

Информация для цитирования:

Суслова С. И. Непоименованность в гражданском праве // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. Вып. 48. С. 322–347. DOI: 10.17072/1995-4190-2020-48-322-347.

Suslova S. I. *Nepoimenovannost' v grazhdanskom prave* [Innominate Phenomena in Civil Law]. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2020. Issue 48. Pp. 322–347. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2020-48-322-347.

УДК 347.1

DOI: 10.17072/1995-4190-2020-48-322-347

НЕПОИМЕНОВАННОСТЬ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-111-50009

С. И. Суслова

Доктор юридических наук,
профессор кафедры гражданского права и процесса

Иркутский институт (филиал)

Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)
664011, Россия, г. Иркутск, ул. Некрасова, 4

ORCID: 0000-0002-7487-6879

ResearcherID: R-7761-2016

Статьи в БД «Scopus»/«Web of Science»:

DOI: 10.17150/2500-4255.2017.11(2).299-307

DOI: 10.1051/e3sconf/20199108071

E-mail: svetsuslova@yandex.ru

Поступила в редакцию 26.12.2019

Введение: многочисленные упоминания в доктрине термина «непоименованность» применительно к различным гражданско-правовым явлениям не компенсируются содержательным его анализом. В настоящее время в российской цивилистике лишь проблематика непоименованных договоров и непоименованных способов обеспечения исполнения обязательств разработана на должном уровне. Однако даже в специализированных работах, посвященных отдельным видам непоименованных явлений, не ставится вопрос о непоименованности как о феномене, значимом для гражданского права в целом, а не исключительно для подотрасли обязательственного права. На сегодня не только не изучены вопросы о непоименованных объектах гражданских прав, непоименованных юридически фактах, непоименованных способах защиты гражданских прав, непоименованных субъективных правах, но и отсутствует понимание о возможном перечне непоименованных правовых явлений в гражданском праве. В этой связи требуется выработка научно обоснованного подхода к пониманию непоименованности в гражданском праве.

Цель: предложить понимание непоименованности в гражданском праве, произвести отграничение непоименованности от пробела в праве, определить правовые явления, которые можно отнести к непоименованным в гражданском праве, выработать научно обоснованную классификацию непоименованности в гражданском праве, а также дать характеристику наименее изученных в цивилистической науке непоименованных явлений.

© Суслова С. И., 2020

Information for citation:

Suslova S. I. *Nepoimenovannost' v grazhdanskom prave* [Innominate Phenomena in Civil Law]. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2020. Issue 48. Pp. 322–347. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2020-48-322-347.

UDC 347.1

DOI: 10.17072/1995-4190-2020-48-322-347

INNOMINATE PHENOMENA IN CIVIL LAW

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR, project number 19-111-50009

S. I. Suslova

Irkutsk Institute (Branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)
4, Nekrasova st., Irkutsk, 664011, Russia

ORCID: 0000-0002-7487-6879

ResearcherID: R-7761-2016

Articles in the databases 'Scopus'/'Web of Science':

DOI: 10.17150/2500-4255.2017.11(2).299-307

DOI: 10.1051/e3sconf/20199108071

E-mail: svetsuslova@yandex.ru

Received 26.12.2019

Introduction: despite numerous references to the term 'innominate' when describing various civil law phenomena, there have been no scientific attempts to analyze its nature. In Russian civil law, only the problems of innominate contracts and innominate methods for securing performance of obligations have been studied so far. Even in specialized works that deal with some particular types of innominate phenomena, this issue is not analyzed as a complex phenomenon that is crucial not only for law of obligations but for civil law in general. Currently, innominate objects of civil rights, innominate legal facts, innominate remedies, innominate legal rights remain an unexplored field. Moreover, there is no list of innominate legal phenomena. Thus, it appears necessary to develop a scientific approach to innominate phenomena in civil law. **Purpose:** the article aims to define the concept of innominate phenomena in civil law, to distinguish between the concepts 'innominate phenomena' and 'gaps in law', to identify innominate legal phenomena in civil law, to develop classification of those, and to describe the innominate phenomena being the least studied in civil law science. **Methods:** based on the dialectical method, which is the key method for legal studies, the following tasks were accomplished: innominate phenomena and views on their nature were studied from the perspective of historical variability; existing scientific views on innominate phenomena and their features were evaluated; innominate phenomena were analyzed in relation to other legal categories. The following methods were used as well: the comparative legal method, the method of alternatives, the structural functional method, the formal legal method, the historical legal method, and the method of legal interpretation. **Results:** the author's definition of innominate phenomena in civil law was proposed. Based on the doctrine of determinism, there were identified criteria for distinguishing between the concepts 'gaps in law' and 'innominate phenomena'. Classifications of innominate

© Suslova S. I., 2020

Методы: основываясь на базовом для правовых исследований диалектическом методе, изучены непоименованность и взгляды на ее понимание с позиции исторической изменчивости, оценены существующие научные воззрения на непоименованность и ее признаки, проанализирована непоименованность в неразрывном единстве и взаимосвязи с иными правовыми категориями. Также использовались сравнительно-правовой метод, метод альтернатив, структурно-функциональный метод, формально-юридический метод, историко-правовой метод, метод толкования правовых норм. **Результаты:** сформулировано авторское определение непоименованности в гражданском праве; на основе учения о детерминизме выявлены основные критерии разграничения между понятиями «пробел в праве» и «непоименованность»; предложены классификации непоименованности в гражданском праве, которые могут быть использованы правоприменительными органами при разрешении конкретных споров в отношении непоименованных явлений. **Выводы:** непоименованность, как позитивное гражданско-правовое явление, является отображением принципа свободы участников гражданско-правовых отношений. В российском законодательстве преобладает запрещенная непоименованность, что противоречит основным его началам, поэтому требуется расширение сферы разрешенной и допускаемой непоименованности.

Ключевые слова: непоименованность; нетипичность; объекты; юридические факты; субъективные права; способы защиты; пробел в праве

INNOMINATE PHENOMENA IN CIVIL LAW

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR, project number 19-111-50009

S. I. Suslova

Irkutsk Institute (Branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia) 4, Nekrasova st., Irkutsk, 664011, Russia

ORCID: 0000-0002-7487-6879

ResearcherID: R-7761-2016

Articles in the databases 'Scopus' / 'Web of Science':

DOI: 10.17150/2500-4255.2017.11(2).299-307

DOI: 10.1051/e3sconf/20199108071

E-mail: svetsuslova@yandex.ru

Received 26.12.2019

Introduction: despite numerous references to the term 'innominate' when describing various civil law phenomena, there have been no scientific attempts to analyze its nature. In Russian civil law, only the problems of innominate contracts and innominate methods for securing performance of obligations have been studied so far. Even in specialized works that deal with some particular types of innominate phenomena, this issue is not analyzed as a complex phenomenon that is crucial not only for law of obligations but for civil law in general. Currently, innominate objects of civil rights, innominate legal facts, innominate remedies, innominate legal rights remain an unexplored field. Moreover, there is no list of innominate legal phenomena. Thus, it appears necessary to develop a scientific approach to innominate phenomena in civil law. **Purpose:** the article aims to define the concept of innominate phenomena in civil law, to distinguish between the concepts 'innominate phenomena' and 'gaps in law', to identify innominate legal phenomena in civil law, to develop classification of those, and to describe the innominate phenomena being the least studied in civil law science. **Methods:** based on the dialectical method, which is the key method for legal studies, the following tasks were accomplished: innominate phenomena and views on their nature were studied from the perspective of historical variability; existing scientific views on innominate phenomena and their features were evaluated; inno-

civil law phenomena were developed. They can be used by law enforcement agencies in resolving legal disputes that involve phenomena of this kind. **Conclusions:** innominate legal phenomena are positive civil law phenomena reflecting the principle of freedom of participants in civil relations. Prohibitions concerning the existence of innominate legal phenomena established by Russian legislation contradict its basic principles. Therefore, it is necessary to expand the scope of authorized and admissible innominate phenomena.

Keywords: innominate; atypicality; objects; legal facts; legal rights; remedy; gap in law

Information in Russian

НЕПОИМЕНОВАННОСТЬ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-111-50009

С. И. Сулова

Доктор юридических наук,
профессор кафедры гражданского права и процесса

Иркутский институт (филиал)
Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)
664011, Россия, г. Иркутск, ул. Некрасова, 4

ORCID: 0000-0002-7487-6879

ResearcherID: R-7761-2016

Статьи в БД «Scopus»/«Web of Science»:

DOI: 10.17150/2500-4255.2017.11(2).299-307

DOI: 10.1051/e3sconf/20199108071

E-mail: svetsuslova@yandex.ru

Поступила в редакцию 26.12.2019

Введение: многочисленные упоминания в доктрине термина «непоименованность» применительно к различным гражданско-правовым явлениям не компенсируются содержательным его анализом. В настоящее время в российской цивилистике лишь проблематика непоименованных договоров и непоименованных способов обеспечения исполнения обязательств разработана на должном уровне. Однако даже в специализированных работах, посвященных отдельным видам непоименованных явлений, не ставится вопрос о непоименованности как о феномене, значимом для гражданского права в целом, а не исключительно для подотрасли обязательственного права. На сегодня не только не изучены вопросы о непоименованных объектах гражданских прав, непоименованных юридически фактах, непоименованных способах защиты гражданских прав, непоименованных субъективных правах, но и отсутствует понимание о возможном перечне непоименованных правовых явлений в гражданском праве. В этой связи требуется выработка научно обоснованного подхода к пониманию непоименованности в гражданском праве. **Цель:** предложить понимание непоименованности в гражданском праве, произвести отграничение непоименованности от пробела в праве, определить правовые явления, которые можно отнести к непоименованным в гражданском праве, выработать научно обоснованную классификацию непоименованности в гражданском праве, а также дать характеристику наименее изученных в цивилистической науке непоименованных явлений. **Методы:** основываясь на базовом для правовых исследований диалектическом методе, изучены непоименованность и взгляды на ее понимание с позиции исторической изменчивости, оценены существующие научные воззрения на непоименованность и ее признаки, проанализирована непоименованность в неразрывном единстве и взаимосвязи с иными правовыми категориями. Также использовались сравнительно-правовой метод, метод

minate phenomena were analyzed in relation to other legal categories. The following methods were used as well: the comparative legal method, the method of alternatives, the structural functional method, the formal legal method, the historical legal method, and the method of legal interpretation. **Results:** the author's definition of innominate phenomena in civil law was proposed. Based on the doctrine of determinism, there were identified criteria for distinguishing between the concepts 'gaps in law' and 'innominate phenomena'. Classifications of innominate civil law phenomena were developed. They can be used by law enforcement agencies in resolving legal disputes that involve phenomena of this kind. **Conclusions:** innominate legal phenomena are positive civil law phenomena reflecting the principle of freedom of participants in civil relations. Prohibitions concerning the existence of innominate legal phenomena established by Russian legislation contradict its basic principles. Therefore, it is necessary to expand the scope of authorized and admissible innominate phenomena.

Keywords: innominate; atypicality; objects; legal facts; legal rights; remedy; gap in law

Введение

Российская юридическая наука в достаточной степени апеллирует к термину «непоименованность» при анализе тех или иных правовых явлений. Однако обширность такого употребления совершенно не подкреплена содержательной его характеристикой. Глубокие и полноценные научные исследования проведены лишь в отношении непоименованных договоров (например, 6) и непоименованных способов обеспечения исполнения обязательств (например, 28). Однако даже в таких специализированных работах не ставится вопрос о непоименованности как о феномене, значимом для гражданского права в целом, а не исключительно для подотрасли обязательственного права. В настоящее время не только не изучены вопросы о непоименованных объектах гражданских прав, непоименованных юридически фактах, непоименованных способах защиты гражданских прав, непоименованных субъективных правах, но и отсутствует понимание о возможном перечне непоименованных правовых явлений в гражданском праве. Декларируемая диспозитивность гражданско-правового регулирования, к сожалению, не всегда способствует встраиванию используемых участниками гражданского оборота новых, «неназванных правом» конструкций в существующую систему. Достаточно часто правоприменительная практика негативно относится к их появлению, отказывая в легитимности тем явлениям частноправовой действительности, которые не нашли отражения в действующем законодательстве.

В рамках данной работы будет предложено понимание непоименованности в гражданском праве, произведено отграничение непоимено-

ванности от пробела в праве, определены правовые явления, которые можно отнести к непоименованным в гражданском праве, выработана научно обоснованная классификация непоименованности в гражданском праве, а также дана характеристика наименее изученных в цивилистической науке непоименованных явлений, что позволит предложить рекомендации для правоприменительных органов в случае разрешения споров в отношении непоименованных гражданско-правовых конструкций.

Методология исследования. Основываясь на базовом для правовых исследований диалектическом методе, требуется изучить непоименованность и взгляды на ее понимание с позиции исторической изменчивости, оценить существующие научные воззрения на непоименованность и ее признаки, проанализировать непоименованность в неразрывном единстве и взаимосвязи с иными правовыми категориями. Используя формально-логический метод, рассмотрим причинно-следственные связи между видами пробелов в праве и непоименованными конструкциями, что позволит сформулировать понимание непоименованности в гражданском праве и дополнить ранее предложенную классификацию непоименованности на разрешенную, допускаемую, альтернативную и запрещенную. Используя сравнительно-правовой метод, метод альтернатив, структурно-функциональный метод, предполагается оценить и выявить те виды непоименованных правовых явлений, которые представляют наибольшую значимость с позиции неоднозначности правоприменения и сформировавшихся доктринальных положений. Иные частнонаучные методы познания (формально-юридический, историко-правовой, сравнительно-правовой, метод тол-

альтернатив, структурно-функциональный метод, формально-юридический метод, историко-правовой метод, метод толкования правовых норм. **Результаты:** сформулировано авторское определение непоименованности в гражданском праве; на основе учения о детерминизме выявлены основные критерии разграничения между понятиями «пробел в праве» и «непоименованность»; предложены классификации непоименованности в гражданском праве, которые могут быть использованы правоприменительными органами при разрешении конкретных споров в отношении непоименованных явлений. **Выводы:** непоименованность, как позитивное гражданско-правовое явление, является отображением принципа свободы участников гражданско-правовых отношений. В российском законодательстве преобладает запрещенная непоименованность, что противоречит основным его началам, поэтому требуется расширение сферы разрешенной и допускаемой непоименованности.

Ключевые слова: непоименованность; нетипичность; объекты; юридические факты; субъективные права; способы защиты; пробел в праве

Introduction

Russian law science uses the term 'innominate' in describing legal phenomena. However, there has been deep and full-fledged scientific research only with regard to innominate contracts e.g., 6 and innominate means to secure the performance of contractual obligations e.g., 28. Even these specialized works do not deal with the issue of innominate as a phenomenon being crucial for civil law in general and law of obligations in particular. Currently, innominate objects of civil rights, innominate legal facts, innominate remedies, innominate legal rights are an unexplored field. There is no list of innominate legal phenomena in civil law. Thus, it is necessary to develop a scientific approach that could be used to study those. Unfortunately, the declared discretionary nature of civil law does not contribute to the incorporation of new, 'innominate', not defined by the law legal phenomena into the existing system. Law enforcement agencies have a negative attitude to these legal phenomena. They refuse to legitimate those private law phenomena that are not regulated by the current legislation.

The article defines the concept 'innominate' in civil law, distinguishes between the concepts 'innominate phenomena' and 'gaps in law', identifies legal phenomena that can be referred to innominate civil law phenomena, classifies innominate

civil law phenomena, and describes innominate phenomena which are the least studied in civil law science. The conclusions drawn by the author can be used as recommendations for law enforcement agencies in resolving disputes involving innominate phenomena.

Research methods. Using the dialectic method, which is basic for legal studies, innominate legal phenomena and views on their nature were studied in terms of historical variability. The existing scientific views on innominate legal phenomena and their features were evaluated. Innominate legal phenomena were analyzed in relation to other legal categories. The formal logical method was used to study the causal relationships between types of gaps in law and innominate legal phenomena. It allowed us to define innominate phenomena in civil law and classify them into four types: authorized, admissible, alternative, and prohibited ones. The comparative legal method, the method of alternatives, and the structural functional method were used to evaluate and identify those types of innominate legal phenomena that are crucial in terms of ambiguity of law enforcement and doctrinal provisions. Other special scientific methods such as the formal legal method, the historical legal method, the comparative-legal method, and the

кования правовых норм) будут задействованы при характеристике отдельных видов непоименованности в гражданском праве

Понимание непоименованности в доктрине и законодательстве. Непоименованность и нетипичность. Непоименованность и пробел в праве

Семантический анализ термина «непоименованность» не вызывает, на первый взгляд, никаких затруднений. В толковых словарях, однако, его пояснение встретить удалось лишь в отношении к «антиподу» – «поименовать», который В. Даль объяснил как «именовать кого-то, назвать по имени» [17].

Применительно к российскому гражданскому праву понимание непоименованности сформировалось на основании пункта 2 статьи 421 Гражданского кодекса РФ, в которой закреплено правило о том, что стороны могут заключить договор как предусмотренный, так и не предусмотренный законом или иными правовыми актами. Такой договор получил в доктрине «собственное имя» и стал называться непоименованным договором. Таким образом, частный случай непоименованного правового явления послужил основой для формирования аксиоматичного понимания непоименованности в цивилистической науке.

Следует согласиться с Е. Г. Комиссаровой, что «создаваемые наукой понятия в первую очередь должны работать на саму науку, развивая ее, обеспечивая тот уровень предметно-научных знаний, при наличии которого она будет востребована со стороны законодателя...» [29, с. 207]. Поэтому, в целом не оспаривая устоявшуюся в определенной степени терминологию, уточним некоторые аспекты сложившегося понимания.

Во-первых, непоименованность есть результат отсутствия правовой регламентации. Другими словами, для признания какого-то правового явления поименованным необходимо обнаружить в реальной жизни, охваченной правовым воздействием, упоминание о нем. При этом остается открытым вопрос о том, какой источник гражданского права может быть рассмотрен как необходимый и достаточный для того, чтобы провести разницу между поименованным и непоименованным явлениями. Кроме того, возникает проблема степени детализации правового регулирования для выявля-

ния непоименованности: если явление лишь упомянуто и иное правовое регулирование отсутствует, то всегда ли оно имеет место?

Во-вторых, непоименованность в гражданском праве не должна квалифицироваться как нечто исключительное и особое в силу диспозитивности гражданско-правового регулирования. Участники гражданско-правовых отношений должны иметь гарантированную и Конституцией РФ, и ГК РФ степень свободы, которая позволяет им, действуя добросовестно и разумно, проявлять инициативность и своими действиями создавать новые правовые конструкции, которые в большей степени защитят их субъективные права и интересы.

Применительно к последнему утверждению заметим, что непоименованные явления часто в научной литературе называют еще и нетипичными [59]. Ради справедливости следует сказать, что для цивилистов такое словопотребление не является устоявшимся (хотя и нередко используемым), вместе с тем оно распространено в науке трудового права (нетипичные формы занятости, нетипичный трудовой договор), конституционного и административного права (нетипичные полномочия, нетипичные формы и модели государственного управления), процессуальных науках (нетипичные доказательства, нетипичные исполнительные документы).

Собственное понимание нетипичности сформировала и судебная практика в сфере гражданского оборота. Так, суды различного уровня называют разнообразные нетипичные явления: «нетипичное для данной сферы правоотношений *поведение заявителя*»¹, «нетипичную для гражданского оборота *выгоду*»², «нетипичные и не выгодные *условия*»³, «нетипичная для обычной хозяйственной деятельности

¹ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 05.09.2019 г. № 305-ЭС14-7512(24) по делу № А40-84122/2010 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Определение Верховного Суда РФ от 18.11.2019 г. № 305-ЭС18-17474(6,7) по делу № А40-145500/2017 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Определение Верховного Суда РФ от 04.06.2018 г. № 308-ЭС17-14402(5) по делу № А53-2832/2016 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

method of legal interpretation were used to describe types of innominate phenomena in civil law.

Characteristics of Innominate Phenomena in Legal Science and Legislation. Innominate and Atypical Phenomena. Innominate Phenomena and Gaps in Law

The semantic analysis of the term ‘innominate’ does not cause any difficulties. However, explanatory dictionaries provide its meaning only in relation to its antipode *to nominate*, which means ‘to name someone’ [17].

With regard to Russian civil law, an understanding of innominate phenomena is based on Clause 2 of Article 421 of the Civil Code of the Russian Federation, according to which the parties have the right to conclude an agreement both stipulated and unstipulated by the law or other legal acts. Legal science defined this agreement as an innominate agreement. Thus, a special case of innominate legal phenomena became the basis for an axiomatic understanding of innominate phenomena in civil law science.

E. G. Komissarova believes that ‘concepts created by science are supposed to work for science, develop it, providing the level of scientific knowledge required for science to be in demand by the legislator ...’ [29, p. 207]. Therefore, without challenging the term, the present article aims to specify some aspects of the current understanding of innominate legal phenomena.

Firstly, innominate legal phenomena are a result of gaps in law. In other words, in order to refer a legal phenomenon to innominate ones, it is necessary to find a reference to it in laws. There is no answer to the question which source of civil law is sufficient to distinguish between nominate and innominate legal phenomena. In addition, it is difficult to specify laws in order to identify innominate legal phenomena: if the legal phenomenon has

been mentioned in a legal act, and there are no other legal acts regulating it, is this phenomenon innominate?

Secondly, innominate civil law phenomena are not supposed to be considered as something exceptional and special due to the discretionary nature of civil law. Participants in civil law relations must have freedom guaranteed by the Constitution and the Civil Code of the Russian Federation. Freedom allows them to be proactive and create new legal constructions that can protect their legal rights and interests.

It should be noted that in the scientific literature, innominate legal phenomena are often referred to as atypical [59]. This word is not widespread in civil law science. However, it is common in labor law science (atypical forms of employment, atypical labor contracts), constitutional law science and administrative law science (atypical powers, atypical forms and models of public administration), and procedural sciences (atypical evidence, atypical executive documents).

Judicial practice in the field of civil law relations has also developed its own understanding of atypicality. The courts refer to various atypical phenomena: ‘the applicant’s *behavior* being atypical for these legal relations»¹, ‘atypical *benefits*»², ‘atypical and unfavorable *conditions*»³, ‘atypical

¹ Ruling of the Judicial Board for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation No. 305-ES14-7512(24) of September 5, 2019 in case No. A40-84122/2010. Access from the legal reference system ‘ConsultantPlus’ (accessed 17.12.2019).

² Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation No. 305-ES18-17474(6,7) of November 18, 2019 in case No. A40-145500/2017. Access from the legal reference system ‘ConsultantPlus’ (accessed 17.12.2019).

³ Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation No. 308-ES17-14402(5) of June 4, 2018 in case No. A53-2832/2016. Access from the legal reference system ‘ConsultantPlus’ (accessed 17.12.2019).

должника *сделка*)¹, «нетипичный способ оплаты» и др. При этом суды не всегда, но все же поясняют, что они понимают под нетипичностью. В частности, к таким пояснениям следует отнести указание на то, что такой порядок был признан нетипичным, поскольку он отличается от «обычно применяемых в гражданском обороте»², или на то, что такое поведение «является скорее исключением, чем правилом»³. Таким образом, и доктрина, и правоприменение понимают под нетипичностью отступление от привычных, устоявшихся, сформировавшихся правил, форм взаимодействия, заведенного порядка и т. д.

В российской юридической литературе по гражданскому праву проблема нетипичности практически не обсуждается, несмотря на значительное упоминание о том в материалах судебной практики. В иностранной литературе интерес представляют научные работы, посвященные обоснованию недопустимости применения повышенной деликтной ответственности в случае осуществления необычной (нетипичной) деятельности, поскольку в этом случае вся остальная деятельность, являющаяся обычной, освобождается от более строгой ответственности [78].

Таким образом, признание явления нетипичным приводит к различным правовым последствиям в каждом конкретном случае. При этом само явление, которое признается нетипичным для данной конкретной ситуации или группы ситуаций, может быть как поименованным в законе, так и не являться таковым. Следовательно, критерии для выделения непоименованности и нетипичности не совпадают: для выделения непоименованности используется критерий включения явления в правовую сферу (его поименование), а для нетипичности – отступление от сложившегося порядка вещей. Различаются и правовые последствия нетипичности и непоименованности. Нетипичность яв-

ления влечет правовые последствия в случаях, установленных законом, и касается конкретной жизненной ситуации, оцениваемой с позиции ее обычности или исключительности. Вопрос непоименованности встает в случае оценки легитимности такого явления в принципе и разрешения споров, возникающих по поводу него, между участниками гражданско-правовых отношений.

Вместе с тем закономерным выглядит вопрос о том, можно ли говорить, что если, например, ГК РФ поименовал типы и виды гражданско-правовых договоров, то они и являются типичными для гражданского оборота? И в этом смысле отступление от данных типичных конструкций делает явление одновременно и непоименованным? В поддержку такого толкования встречаются следующие высказывания: «нормы права ориентируются обычно на типичное, а не на исключительное. Отсутствие правового регулирования исключительного и нетипичного является пробелом в праве» [60, с. 114].

Такая квалификация представляется ошибочной. Это связано с тем, что далеко не всегда наличие правового регулирования тех или иных отношений свидетельствует об их распространенности и типичности для гражданского оборота. Как известно, правовое регулирование может быть направлено и на предугадывание развития тех или иных отношений, на создание правовых основ для их формирования, другими словами, «работать на опережение». Соответственно, присутствие в текстах законодательных актов, даже очень подробно, установок правового регулирования еще не свидетельствует о том, что такие отношения вообще существуют или такое регулирование является востребованным. Для примера можно привести уже отмененные нормы ГК РФ об обществах с дополнительной ответственностью, которые не использовались на практике, или нормы ЖК РФ о договоре найма в жилищном фонде социального использования (некоммерческий наем жилых помещений), которые фактически не применяются в силу отсутствия соответствующего жилищного фонда.

Указанное позволяет резюмировать, что оснований для смешения данных правовых явлений не имеется. Одно и то же явление, безусловно, может быть одновременно отнесено к одной из указанных групп (типичное / нетипичное; поименованное / непоименованное),

bargain»¹, ‘atypical payment methods’, etc. The courts occasionally clarify what is to be understood under atypical phenomena. For example, one can encounter an explanation that some procedure was found atypical since it differed from the ‘procedures traditionally applied in civil law’², or that some behavior ‘is an exception rather than the rule’³. Thus, both legal science and law enforcement practices define atypical phenomena as a deviation from traditional, well-established rules, forms of interaction, procedures, etc.

Russian civil law studies do not deal with the issue of atypicality. However, atypical phenomena are regularly mentioned in judicial decisions. Foreign legal studies justifying the inadmissibility of stricter tort liability for atypical activities are of interest, since all other legal activities are exempted from stricter liability [78].

Thus, the definition of a phenomenon as atypical ones causes various legal consequences. The phenomenon considered atypical in a specific situation may be either nominate or innominate in law. The identification criteria for innominate and atypical phenomena are different: for innominate phenomena, it is the inclusion in the legal field; for atypical phenomena, it is deviation from established procedures. The legal consequences of atypical and innominate phenomena are also different.

Atypical phenomena entail legal consequences in cases established by law and relate to a specific situation assessed in terms of its normal or exceptional nature. The issue of innominate phenomena arises when assessing their legitimacy and resolving disputes between participants in civil law relations.

Are civil law contracts mentioned in the Civil Code of the Russian Federation typical for civil law? Does a deviation from typical contracts make the phenomenon innominate? The following statements support this opinion: ‘rules of law are usually oriented toward typical rather than atypical. The lack of legal rules regulating atypical phenomena is a gap in law’ [60, p. 114].

This interpretation seems erroneous due to the fact that the existence of legal rules regulating certain legal relations does not always indicate their typicality in civil law. Legal acts can predict the development of legal relations, create legal foundations for their development. Accordingly, even the existence of detailed legal rules regulating certain legal relations does not mean that such relations exist or these legal rules are in demand (e.g., the abolished rules of the Civil Code of the Russian Federation on additional liability companies or the rules of the Housing Code of the Russian Federation on non-commercial property rental agreements, which are not applied due to the lack of the housing fund).

One can conclude that there are no grounds for confusing these legal phenomena. The same phenomenon can be typical or atypical, nominate

¹ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 28.05.2019 г. № Ф05-7034/2019 по делу № А40-82265/2018 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 27.06.2019 г. № Ф09-2043/18 по делу № А60-38681/2017 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 28.05.2019 г. № Ф05-7034/2019 по делу № А40-82265/2018 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹ Resolution of the Commercial Court of the Moscow District No. F05-7034/2019 of May 28, 2019 in case No. A40-82265/2018. Access from the legal reference system ‘ConsultantPlus’ (accessed 17.12.2019).

² Resolution of the Commercial Court of the Ural District No. F09-2043/18 of June 27, 2019 in case No. A60-38681/2017. Access from the legal reference system ‘ConsultantPlus’ (accessed 17.12.2019).

³ Resolution of the Commercial Court of the Moscow District No. F05-7034/2019 of May 28, 2019 in case No. A40-82265/2018. Access from the legal reference system ‘ConsultantPlus’ (accessed 17.12.2019).

однако их нельзя соотносить в разрезе понятий «род – вид» или «целое – часть».

В-третьих, непоименность – это понятие, которое неразрывно связано с термином «пробел в праве». Ранее проведенное исследование по этому вопросу [51, с. 406–408] позволило сформулировать несколько основных идей по поводу их соотношения. Суть их заключается в следующем:

– непоименность и пробел в праве нельзя отождествлять – каждое из этих понятий имеет собственное содержательное наполнение;

– пробел в праве – это констатация отсутствия (это то, чего не существует), тогда как непоименное явление – это, наоборот, фиксация наличия (это то, что реально имеется);

– пробел в праве и непоименность следует соотносить через призму категорий «причина» и «следствие», где наличие пробела является причиной появления непоименности (следствие).

Вместе с тем данные выводы требуют дальнейшего развития и уточнения.

Многочисленные общетеоретические исследования пробелов в праве дополняются отраслевым анализом данной проблематики [57]. Однако, несмотря на значительные научные усилия в данном направлении как зарубежных, так и российских ученых, считать устоявшимися можно лишь несколько постулатов, а отсутствие «постоянной прописки» в учебных курсах по теории права вопросов о пробелах в праве демонстрирует неоднозначность оценки учеными указанных вопросов [39, с. 732].

Для достижения цели настоящей работы сконцентрируем внимание на сходствах и отличиях понятий «пробел в гражданском праве» и «непоименность».

Первое, на что следует обратить внимание, – это характеристика пробела в праве с точки зрения этимологии самого термина. Большинство исследователей справедливо рассматривают пробел в переносном значении этого слова, понимая под ним определенное упущение, недостаток. Другими словами, пробел в праве оценивается как негативное явление¹, подлежащее устранению, а деятельность правоприменитель-

ных органов в условиях наличия пробела (для его восполнения) считается сложной и способной привести к ошибочным решениям. Соответственно, в основном исследовательские усилия направляются на изучение вопросов о выявлении (установлении) пробелов и их ликвидации.

Вместе с тем основания для отнесения непоименности в гражданском праве к негативным явлениям, с которыми необходимо бороться, отсутствуют. Появление непоименного явления в сфере гражданского оборота в силу диспозитивности гражданско-правового регулирования должно оцениваться позитивно, за исключением случаев прямого законодательного запрета. Как справедливо отмечается в зарубежной литературе, «частное право ... содержит множество особенностей, которые делают его плохим претендентом на хорошо разработанный режим регулирования» [74].

Второй аспект соотнесения данных понятий связан с моментом их появления. Момент возникновения непоименного явления, как представляется, сложностей не вызывает. Заключение непоименного договора, использование при обращении в суд непоименного способа защиты гражданских прав, включение в договор непоименного способа обеспечения исполнения обязательства и т. д. без каких-либо вопросов позволяют определить то, что непоименное явление появилось в реальной действительности.

В отношении пробела в праве единство мнений по указанному вопросу отсутствует. Исходя из общепризнанного понимания пробела в праве следует, что факт отсутствия в праве нормы, которая бы регулировала соответствующие общественные отношения, требующие такого воздействия, уже свидетельствует о появлении пробела. Однако выявление пробела, как правило, происходит в момент разрешения конкретного дела правоприменительным органом, что дает основание исследователям уточнять момент его возникновения. Так, некоторые из них полагают, что пробел в праве является некой ситуацией, в которой «факты или отношения законом не оцениваются, но профессиональное правосознание властно диктует необходимость их юридической квалификации» [53]. Другие ученые прямо указывают, что пробел в праве возникает в тех случаях, когда в процессе столкновения определенных интересов (личных или общественных) возникает не-

or innominate. However, they are not in subordinate relations.

Thirdly, innominate phenomena are inextricably linked with 'gaps in law'. A previous study on this issue [51, pp. 406-408] helped formulate basic ideas about their relationship:

– innominate legal phenomena and gaps in law are different phenomena;

– a gap in law is a statement of absence, while an innominate legal phenomenon is a statement of presence;

– a gap in law and an innominate legal phenomenon should be correlated through the prism of the categories 'cause' and 'consequence', where the gap causes the innominate phenomenon (consequence).

However, these conclusions require further studies.

Numerous general theoretical studies on legal gaps are followed by a branch analysis of this issue [57]. However, despite significant scientific efforts, only a few postulates can be considered conventional. Sporadic references to the concept 'gaps in law' in training manuals on the theory of law demonstrate the ambiguity of attitudes to these issues [39, p. 732].

The present article focuses on similarities and differences between gaps in civil law and innominate phenomena.

It is necessary to pay attention to the etymology of the terms. Most researchers define the gap as a certain omission, lack. In other words, a gap in law is considered as a negative phenomenon¹ that needs to be eliminated. If there is a gap

in law, activities of law enforcement agencies are considered complex and their decisions can be erroneous. Accordingly, research efforts are mainly aimed at identifying and eliminating gaps in law.

At the same time, there are no grounds for considering innominate civil law phenomena as negative. Innominate civil law phenomena should be considered in a positive way due to the discretionary nature of civil law. An exception is a direct legislative prohibition. According to foreign researchers, 'private law ... is characterized by features that make it a poor contender for a well-developed legal regime' [74].

The second aspect of interaction is associated with the time of occurrence. The time of occurrence of innominate legal phenomena is evident. The conclusion of an innominate contract, the use of an innominate remedy for protecting civil rights or an innominate method for securing the performance of contractual obligations, etc. allow us to determine the time of occurrence of an innominate legal phenomenon.

The time of occurrence of a gap in law is difficult to determine. According to the generally accepted understanding of the gap in law, the fact that there is no legal rule regulating specific social relations indicates the existence of a gap. However, the gap can be identified when a specific case is resolved by a law enforcement agency. Some researchers believe that a gap in law is a situation in which 'facts or relations are not evaluated by law, but professional legal awareness requires their legal categorization' [53]. According to other researchers, a gap in law results from a clash of personal or public interests that requires legal categorization of a fact or a relationship, provided that the

¹ «Аксиологическая оценка фрагментации права как явления негативного, аномального, создающего значительные трудности в правоприменении, не вызывает сомнений», – справедливо отмечается в юридической литературе (см. [19]).

¹ As it is rightly noted in legal literature, 'The axiological assessment of the fragmentation of law as a negative, abnormal phenomenon creating difficulties in law enforcement is beyond doubt' (see [19]).

обходимость юридической квалификации спорной ситуации (факта, отношения) и если необходимость такой квалификации охватывается правосознанием [54, с. 114]. В. В. Лазарев, разграничивая пробел в праве от иных понятий, отмечает, что такое разграничение связано, в конечном счете, с последующими действиями субъектов применения права [32, с. 16]. В основе таких воззрений лежат, представляется, как идеи дореволюционных российских юристов, которые относили вопросы о пробелах в праве к «догматике права, имеющей в виду потребности судебной практики» [34], так и одного из основоположников исследования пробелов в праве германского ученого Э. Цителмана, который относил к настоящим пробелам только те ситуации, когда их наличие констатируется правоприменительными органами в момент необходимости принятия решения по конкретному спору, а закон либо «молчит», либо когда положения закона понятны, но в их рамках имеется вариативность возможностей, а в законе отсутствует предписание о том, какую из них предпочесть [84, S. 27].

Указанное означает, что существование ситуации пробельности права констатируется при обнаружении какого-то реально существующего отношения (факта, на основании которого оно возникло, объекта или субъекта данных отношений и др.), регулирование которого отсутствует, а ситуация непоименованности, соответственно, появляется, когда фиксируется наличие пробела в праве. Это подтверждает несомненную взаимосвязь пробела в праве и непоименованности.

Основополагающим общим учением, признающим существование универсальной закономерной связи всех вещей и явлений мира, является детерминизм, который, по справедливому высказыванию С. Н. Овчинникова, базируется на таких философских категориях, как закон, закономерность, причинность, необходимость и случайность, возможность и действительность, которые представляют собой методологическую базу для исследований в юриспруденции [38]. В цивилистической науке проблемы детерминизма практически не исследованы, а вопросы причинно-следственных связей затрагиваются исключительно в контексте изучения условий наступления гражданско-правовой ответственности [67].

Глубокое погружение в указанные проблемы не является задачей настоящей работы, поэтому, обратившись к достижениям ученых в данной области, сформулируем несколько основных идей, которые позволят выработать подходы к проблеме соотношения понятий пробела и непоименованности в гражданском праве.

Первоначально исходим из того, что использование детерминизма как методологической основы к изучению взаимосвязи пробелов в праве и непоименованности актуально, поскольку позволит на доктринальном уровне сформулировать выводы, значимые для юридической практики и позволит обнаружить и оценить влияние пробельности в праве на непоименованность.

Из всех многочисленных классификаций детерминации¹, предлагаемых в философской литературе, согласимся с тем, что применительно к общественным наукам детерминизм необходимо рассматривать как принцип, отражающий значимость причинно-следственных связей [10, с. 20], а среди классификаций причинной детерминации выделим взаимную причинность или функциональную зависимость [5; 8]. При этом общепризнанно, что причинность представляет собой связь, когда одно явление (причина) при строго определенных условиях с необходимостью порождает другое явление (следствие) [50].

Таким образом, пробел в праве является единственной причиной, которая порождает непоименованность, однако должны наличествовать и иные условия (детерминация условий), которые породят существование данного правового явления. При этом следствие в виде непоименованности может быть как необходимым, так и случайным, поскольку в определенных случаях может порождаться случайными событиями².

В качестве условий появления непоименованности следует назвать действия участников отношений по заключению договоров, не предусмотренных законом, или формулирование в

¹ Причинность, условие, связь состояний, структурная детерминация, корреляционная связь, целевая детерминация.

² Необходимость связи следствия с породившей его причиной не следует смешивать с вопросом о самом характере следствия: оно может быть необходимым или случайным. Случайными те или иные явления считаются не потому, что они не вытекают с необходимостью из своих причин, а потому, что они порождаются случайными событиями. Сама связь следствия с порождающей его причиной не может быть случайной (см. [62]).

need for this categorization is covered by legal awareness [54, p. 114]. Distinguishing between gaps in law and other legal concepts, V.V. Lazarev believes that they differ by subsequent actions of law enforcement agencies [32, p. 16]. His position is based, first, on the ideas developed by pre-revolutionary Russian lawyers, who referred issues of gaps in law to the 'foundations of law taking into account needs of judicial practice' [34], and, second, on the views of E. Zitelmann, one of the founders of studies on gaps in law, who defined gaps as situations arising when law enforcement agencies have to resolve a specific dispute, and the law is either 'silent' or there are several legal rules regulating these relations while the legislator does not prescribe which one is more preferable [84, p. 27].

Thus, gaps in law can be identified when there are relations (facts generating relations) that are not regulated by law. Innominate legal phenomena arise when there are gaps in law. This confirms the relationship between gaps in law and innominate legal phenomena.

The fundamental theory recognizing the existence of a universal regular relationship between all things and phenomena is determinism. According to S. N. Ovchinnikov, it is based on such philosophical categories as law, causality, necessity and eventuality, possibility and reality, which constitute the methodological base for research in law [38]. In civil law science, the problems of determinism have not been studied, and the issues of cause and effect relationships are covered when studying conditions for civil liability [67].

The present article does not aim to study these issues. Based on achievements of other researchers, it aims to formulate basic ideas in order to develop approaches to the interaction of gaps and innominate phenomena in civil law.

We proceed from the fact that determinism as a methodological basis for studying the relationship between gaps in law and innominate legal phenomena is relevant, since it will allow us to draw doctrinal conclusions that are crucial for legal practice, determine and evaluate the effects of gaps in law on innominate legal phenomena.

Of various classifications of determination developed by philosophers¹, with regard to social sciences, determinism should be considered as a principle that reflects the significance of cause-effect relationships [10, p. 20]. Among the classifications of causal determination, let us single out mutual causality or functional dependence [5; 8]. It is generally recognized that causality is a relationship when one phenomenon (cause) necessarily generates another phenomenon (effect) under specific conditions [50].

Thus, a gap in law is the only reason that generates innominate phenomena. However, there must be present other conditions that will give rise to the existence of this legal phenomenon. The consequence as an innominate phenomenon can be both necessary and random, since in some cases it can be generated by random events².

The conditions for the emergence of innominate phenomena are the conclusion of an agreement that is unstipulated by law, the inclusion of

¹ Causality, condition, relationship of states, structural determination, correlation, target determination.

² The need to connect the consequence and its cause should not be confused with the nature of the consequence which may be necessary or random. Phenomena are considered random because they are generated by random events rather than because they necessarily result from their causes. The very relationship between consequences and their causes cannot be random (see: [62]).

исковом заявлении способа защиты, отсутствующего в действующих нормах права, или исполнение договора в отношении объекта права, не указанного в статье 128 ГК РФ. При этом случайность непоименности, в контексте терминологии детерминизма, может быть следствием ошибки законодателя, который неверно исключил из регулирования те или иные сферы гражданско-правовых отношений.

Все вышесказанное позволяет вычленил следующие характеристики непоименности в гражданском праве, которые следует отразить в ее итоговой дефиниции:

– непоименность в гражданском праве – это ситуация, детерминированная пробелами в праве, а также дополнительными условиями в виде конкретных действий участников гражданско-правовых отношений;

– непоименность в гражданском праве не является разновидностью нетипичности;

– непоименность в гражданском праве относится к позитивным социальным явлениям, способствует развитию и совершенствованию гражданского оборота и является следствием реализации принципов свободы и инициативности.

Представляется, что для формулирования итогового определения непоименности, а также выдвижения предположений об ее видовой характеристике требуется более детальный анализ пробела в праве, как причины появления непоименности, и его классификационных групп.

Виды непоименности в гражданском праве

Практически во всех исследованиях, посвященных пробелам в праве, дискуссия ведется в двух основных направлениях. Первое – это отграничение пробела в праве от иных правовых явлений, в первую очередь от ошибки в праве, квалифицированного молчания законодателя и мнимых пробелов. Второе – это выделение классификационных групп или видов пробелов в праве в зависимости от различных критериев.

В отношении первого направления повторим идею, аргументированную нами ранее [51, с. 406–407], о том, что для целей выявления связи пробела и непоименности подобное отграничение не имеет никакого значения. Данный вывод основывается на том, что в ос-

нове разграничения указанных явлений лежит субъективный критерий (намеренное или ненамеренное поведение законодателя), установить наличие которого на практике часто просто не представляется возможным. Кроме того, для констатации непоименности достаточно выявления существования пробела в праве, а вот для признания легитимности или нелегитимности существующего непоименованного явления, использования инструментария гражданского права для разрешения конкретного спора в отношении такого явления следует задействовать все предложения и рекомендации, которые высказали ученые по вопросам преодоления (восполнения) пробелов.

В отношении предлагаемых в литературе классификаций пробелов следует отметить их многообразие и вариативность используемых критериев. Среди исторически первого обратим внимание на деление пробелов на настоящие и ненастоящие, предложенное Эрнстом Цителманом, уже упомянутое выше. В основе такого деления, как представляется, лежит его значимость для разрешения спора: если правоприменительный орган затрудняется с вынесением решения в силу наличия пробела – то перед нами пробел настоящий, если же правовое предписание отсутствует, но правоприменение или пока не сталкивается с этим вопросом, или не испытывает сложностей в разрешении спора – то пробел квалифицируется как ненастоящий.

Отметим классификацию пробелов, предложенную немецким ученым Адольфом Келлером [70] и уточненную В. В. Лазаревым [32, с. 16–17], ее критерием называется та основа, на базе которой делается вывод о существовании пробелов: пробелы, устанавливаемые из самого законодательства, и пробелы, устанавливаемые на основе анализа факторов, существующих вне рамок закона (экономические потребности, правовое сознание, юридическая практика). Вместе с тем уточним, что немецкий правовед акцентирует внимание на установлении пробелов из закона и из телеологии закона (общих принципов и всеобщих правовых ценностей).

В. В. Лазарев не соглашается с выделением пробелов *de lege lata* и *de lege ferenda*, полагая, что устранение пробелов может быть адресовано исключительно законодателю, а правоприменительный орган лишь преодолевает пробелы с помощью различных средств [32, с. 11].

an innominate remedy into the legal claim, or the execution of an agreement that is not specified in Article 128 of the Civil Code of the Russian Federation. In terms of determinism, the randomness of innominate phenomena may be due to legislative errors, incorrect exclusion of certain civil law relations from the field of law.

Thus, one can identify the following characteristics of innominate civil law phenomena that should be reflected in the definition:

– innominate civil law phenomena are situations determined by gaps in law and specific actions of participants in civil law relations;

– innominate civil law phenomena are types of atypical phenomena;

– innominate civil law phenomena are positive social phenomena contributing to the development and improvement of civil law. They are effects of implementation of the principles of freedom and initiative.

In order to define innominate legal phenomena and identify their features, a more detailed analysis of gaps in law, their causes and types is required.

Types of Innominate Phenomena in Civil Law

Almost all studies on gaps in law attempt to distinguish gaps from other legal phenomena, including errors in law, qualified silence of the legislator, and imaginary gaps, or classify gaps by various criteria.

As for the first direction, in [51, pp. 406–407] we argued that differences are irrelevant for revealing the relationship between gaps in law and innominate legal phenomena. The basis for distinguishing between them is a subjective criterion (intentional or unintentional behavior of the legislator),

which is difficult to establish. In addition, to identify innominate legal phenomena, it is sufficient to identify the existence of a gap in law. However, to recognize the legitimacy or non-legitimacy of an existing innominate legal phenomenon, to use civil law instruments to resolve disputes involving this phenomenon, all scientific recommendations on gap elimination should be followed.

Gaps in law can be classified according to various criteria. Among the first one is the classification of gaps into real and false ones proposed by Ernst Zitelmann. The classification is based on the significance of gaps for resolving disputes. If the law enforcement agency finds it difficult to make a decision because of a gap in law, the gap is real. If there is no legal procedure, but the law enforcement agency has never resolved such a dispute or does not find it difficult to resolve it, the gap is false.

The classification of gaps proposed by Adolf Keller [66] and specified by V. V. Lazarev [32, pp. 16–17] is of interest. The criterion is the basis on which the conclusion about the existence of gaps is made: gaps identified as a result of an analysis of legal acts and gaps identified as a result of an analysis of extralegal factors (economic needs, legal consciousness, and legal practices). Adolf Keller identified gaps in law analyzing the legislation and the teleology of law (general principles and universal legal values).

V. V. Lazarev does not agree with the categorization of gaps into ‘de lege lata’ and ‘de lege ferenda’. He argues that the legislator rather than law enforcement agencies can eliminate gaps. The latter can fill gaps using various tools [32, p. 11].

В зависимости от причины возникновения пробелов говорят об объективных и субъективных пробелах, а субъективные пробелы, в свою очередь, могут быть простительными или непростительными [70, S. 66–67].

В современных российских диссертационных исследованиях указанные выше классификации уточняются и конкретизируются. Так, Ф. Р. Уранский [55, с. 8] предложил 5 видов пробелов в праве: правовой вакуум¹, неполноту правовой нормы², квалифицированный пробел³, условный (коллизийный) пробел⁴, реальный пробел⁵. В работе О. С. Панасюк обоснована классификация пробелов в праве на: абсолютные (полные); относительные (частичные); коллизийные [40]. Е. И. Спектор полагает, что все возможные классификационные деления пробелов на виды в конечном итоге основаны на единственном критерии – на приемлемой для данной правовой системы компетенции государственных органов: пробел либо восполняется законодателем, либо преодолевается правоприменителем (судьей) [49].

Как видно из приведенных примеров, все виды пробелов в праве или предлагаемые классификационные группы можно разбить на три основные группы: по причинам возникновения пробелов; по порядку и критериям их установления (выявления); по способам их устранения (восполнения) или преодоления. Так, в частности, классификацию пробелов на субъективные и объективные можно отнести к первой из указанных групп, классификацию пробелов, сформулированную А. Келлером и В. В. Лазаревым, – ко второй, а классификацию пробелов на *de lege lata* и *de lege ferenda* – к третьей.

Первая из указанных групп классификаций, как представляется, не имеет ценности для характеристики непоименованности. Возникла

¹ Может быть обусловлен неучтенностью той или иной ситуации при разработке закона, возникновением новых общественных отношений после издания конкретного закона.

² Выражена в неурегулированности порядка применения закона, в наличии отсылки к актам, которые не приняты, и т. п.

³ Понимается как правовая ситуация, возникающая в случае формального действия правовой нормы, создающей препятствие на пути обычной хозяйственной практики; не может быть восполнен на основании судебного решения.

⁴ Вызван противоречивостью правовых норм.

⁵ Состоит в отсутствии законодательно подтвержденной расшифровки отдельных правовых понятий и терминов, имеющих принципиальное значение для всего процесса правового регулирования.

ли непоименованность в силу субъективного усмотрения или объективных факторов, неосознанно или намеренно, по уважительным (простительным) или неуважительным (непростительным) причинам – все это не имеет правового значения для непоименованного явления и разрешения спора в отношении сложившейся ситуации.

Значимыми в контексте причинности непоименованности и пробела в праве следует признать классификации второй группы, где пробелы в праве подразделяются в зависимости от порядка их установления (выявления). Акцент при такой характеристике следует сделать на два момента.

Первый связан с самим фактом установления наличия пробела и, как следствие, непоименованности, основан исключительно на отсутствии норм гражданского законодательства или отсутствии норм гражданского права в иных источниках. Так, в цивилистической науке, например, применительно к способам защиты гражданских прав дискутируется вопрос о том, можно ли считать способ непоименованным, если он: а) не указан в статье 12 ГК РФ, в которой перечислены способы защиты гражданских прав; б) не указан в иных статьях ГК РФ, применительно к отдельным видам общественных отношений; в) отсутствует в тексте ГК РФ, но признан допустимым в разъяснениях высшей судебной инстанции; г) отсутствует в нормах ГК РФ и иных законов, но упоминается в нормах гражданского права, содержащихся в иных актах, допускаемых статьей 3 ГК РФ (указах Президента РФ, постановлениях Правительства РФ, ведомственных актах); д) вообще нигде не упоминается.

Таким образом, следует признать значимым деление непоименованности в гражданском праве на непоименованность, устанавливаемую на основе норм гражданского законодательства, и непоименованность, устанавливаемую на основе норм гражданского права, содержащихся в иных источниках.

Второй момент касается вопроса оценки (толкования) норм законодательства с целью выявления наличия или отсутствия пробела и непоименованности. Ведь в ряде случаев выяснение намерения (цели) законодательного регулирования позволяет установить допустимость использования тех или иных непоименованных конструкций в гражданском праве.

Depending on the cause of gaps, there are objective and subjective gaps. The latter can be divided into justifiable or unjustifiable gaps [70, pp. 66-67].

In Russian dissertations, the above classifications were specified by F. R. Uranskiy [55, p. 8]. He identified five types of gaps in law: legal vacuum¹, incomplete legal rules², qualified gaps³, conditional (conflict) gaps⁴, and real gaps⁵. O. S. Panasyuk divided gaps in law into absolute (full), relative (partial), and collisional [40]. E. I. Spektor believes that all classifications of gaps in law are based on the competence of government authorities that is acceptable for the legal system: the gap is either eliminated by the legislator or overcome by law enforcement agencies (a judge) [49].

As can be seen from the above examples, all types of gaps in law or their classifications can be divided into three groups: causes; identification procedures and criteria; elimination and negotiation methods. In particular, the classification of gaps into subjective and objective is based on the first criterion. The classification proposed by A. Keller and V. V. Lazarev is based on the second criterion. The classification of gaps into *de legelata* and *de lege ferenda* is based on the third criterion.

The first group of the classifications does not have any value for describing innominate legal phenomena. It is irrelevant for civil law and dispute regulation whether the innominate legal phenomenon has arisen due to subjective or objective factors, unconsciously or intentionally, for good or disrespectful reasons.

¹ May be caused by the ignorance of a specific situation when developing a legal act or by the emergence of new social relations after the publication of the law.

² It is manifested in an unsettled procedure of law application, in references to acts that have not been adopted, etc.

³ A legal situation caused by the legal rule that creates an obstacle to ordinary business practices; it cannot be eliminated by a court order.

⁴ Caused by contradicting legal rules.

⁵ The absence of legislative interpretation of certain legal concepts and terms that are of fundamental importance for the legal regulation.

The second classification is significant in terms of causality of innominate legal phenomena and gaps in law. The gaps in law are divided by identification procedures. Two aspects can be emphasized.

The first one is related to the identification of a gap and an innominate legal phenomenon based on the absence of civil law rules. In relation to legal remedies, civil law science discusses whether a legal remedy can be considered innominate if a) it is specified in Article 12 of the Civil Code of the Russian Federation, which lists legal remedies used to protect civil rights; b) it is not specified in other articles of the Civil Code of the Russian Federation, as applied to specific types of public relations; c) it is absent in the text of the Civil Code of the Russian Federation, but it is recognized admissible by the highest courts; d) it is absent in the Civil Code of the Russian Federation and other laws, but it is mentioned in civil law rules of other acts listed in Article 3 of the Civil Code of the Russian Federation (Decrees of the President of the Russian Federation, Decrees of the Government of the Russian Federation, agency-level acts); e) it is not mentioned in any legal act.

Thus, the division of innominate civil law phenomena into those established on the basis of civil law rules and those established on the basis of civil law rules contained in other legal sources is crucial.

The second aspect concerns the assessment (interpretation) of legal rules aimed at identifying the presence or absence of a gap in law and an innominate legal phenomenon. Indeed, in a number of cases, specification of intentions of the legislator allows us to establish the admissibility of innominate civil law phenomena. An example of the

Примером значимости данной классификации являются высказывания ученых в сфере применения норм об обходе закона: «Обладая набором типичных правовых средств достижения определенного результата, субъекты гражданских отношений, обходя закон, разрабатывают нетипичные схемы с использованием новых непоименованных правовых средств и т. д. В таком случае универсальным средством пресечения подобного поведения как раз и выступает запрет обхода закона» [11]. Зарубежные ученые давно обсуждают проблемы учета законодательных намерений при принятии тех или иных норм права, отмечая, что без этого сложно безошибочно раскрыть содержание положений закона, при этом неважно, кажется ли иным участникам отношений такое мнение уместным или нет [71].

Третья классификация пробелов по способам их устранения и восполнения может быть использована в отношении непоименованности в части восполнения пробелов. Соглашаясь с мнением тех ученых, кто полагает, что судебные органы лишь восполняют (преодолевают) пробелы, тогда как законодательные органы должны их устранять, исходим из того, что именно на этом этапе правоприменительные органы констатируют существование непоименованного явления и разрешают дело по существу. При этом в большинстве правовых исследований после констатации обнаружения пробела выдвигается тезис о необходимости его восполнения, прибегая к аналогии закона или права. Однако пропускается достаточно важный этап работы судебного органа, поскольку ученые смотрят на этот процесс с позиции нормы права и восполнения пробела. Если же посмотреть на проблему с позиции непоименованного явления, то первое, что должен выяснить правоприменительный орган, – это допустимость его существования.

Именно в разрезе деления пробелов с точки зрения их восполнения следует развивать ранее предложенную нами классификацию непоименованности на разрешенную, допускаемую, запрещенную и альтернативную.

Разрешенная непоименованность – это наличие гражданско-правового явления, являющегося следствием такого правового регулирования, при котором его существование прямо допускается нормами гражданского права. Ярким примером такой непоименованности явля-

ется статья 421 ГК РФ, позволяющая заключать договор как предусмотренный, так и не предусмотренный нормами ГК РФ.

Допускаемая непоименованность – это наличие гражданско-правового явления, являющегося следствием такого правового регулирования, при котором нормы гражданского права прогнозируют развитие общественных отношений и позволяют появление новых правовых явлений, которые не будут зафиксированы как видовое понятие, но обладают признаками понятия родового. В качестве иллюстрации такой непоименованности можно привести положения статьи 8 ГК РФ, в которой допускается возникновение гражданских прав и обязанностей не только из фактов, прямо названных законом, но и из действий граждан и юридических лиц, которые в силу общих начал и смысла гражданского законодательства порождают гражданские права и обязанности.

Запрещенная непоименованность – это наличие гражданско-правового явления, являющегося следствием такого правового регулирования, при котором нормы гражданского права прямо отрицают возможность его появления. Речь идет о закрытых перечнях, касающихся компетенции органов управления юридических лиц, или оснований принудительного прекращения права собственности, дополнять которые участники гражданско-правовых отношений произвольно не могут, а также о прямых законодательных запретах, императивно закрепленных в ГК РФ. Например, в статье 66 ГК РФ установлено, что законом может быть запрещено участие отдельных категорий лиц в хозяйственных товариществах и обществах.

Альтернативная непоименованность – это наличие гражданско-правового явления, являющегося следствием такого правового регулирования, при котором нормы гражданского права позволяют правоприменительным органам разрешить вопрос о его легитимности, учитывая императивный или диспозитивный характер указанной нормы. Другими словами, альтернативная непоименованность существует в случае отсутствия определенности в решении законодателя о допустимости или недопустимости непоименованности. Например, когда речь идет о закрытых перечнях оснований для расторжения договоров и оценки допустимости для сторон его дополнения в рамках конкретных договоров.

significance of this classification is the following statement on evasion of law: ‘having a set of typical legal means to achieve certain results, participants in civil law relations develop atypical schemes, using new innominate legal means in order to evade a law. It is necessary to prohibit evasion of law in order to prevent such a behavior’ [11]. Foreign scientists have been discussing the problems of legislative intentions when adopting legal rules. Without taking into account legislative intentions, it is difficult to accurately interpret legal provisions. It does not matter whether other participants consider such an opinion appropriate [71].

The third classification of gaps in law (according to elimination and negotiation methods) can be used to fill gaps. Agreeing with scholars who believe that the judicial bodies fill gaps while the legislative bodies eliminate them, we proceed from the fact that at this stage law enforcement agencies identify innominate legal phenomena and settle disputes. After identifying the gap in law, the thesis on the need to address it on the basis of analogy of law or analogy by statute is put forward. However, an important stage is skipped by scientists who consider this process in terms of legal rules and gap negotiation. From the perspective of innominate phenomena, the first thing that the law enforcement agency should do is to determine whether the innominate legal phenomenon is admissible.

The classification of innominate phenomena into authorized, admissible, prohibited, and alternative should be developed by classifying gaps according to negotiation methods.

Authorized innominate phenomena are stipulated by civil law rules. A striking example is Article 421 of the Civil Code of the Russian Federa-

tion authorizing to conclude agreements both provided and not provided for by the Civil Code of the Russian Federation.

Admissible innominate legal phenomena are a consequence of legal regulation according to which civil law rules predict the development of social relations and allow the occurrence of new legal phenomena having features of generic concepts. An example is Article 8 of the Civil Code of the Russian Federation that allows the emergence of civil rights and obligations not only from facts explicitly listed in law but also from actions of citizens and legal persons that create civil rights and obligations due to the general principles of civil law.

Prohibited innominate phenomena are civil law phenomena that are a consequence of legal regulation according to which civil law rules explicitly deny the possibility of their occurrence (exhaustive lists of rights of governing bodies of legal entities, grounds for forced termination of property rights, direct legislative prohibitions established by the Civil Code of the Russian Federation). For example, according to Article 66 of the Civil Code of the Russian Federation, the law may prohibit participation of specific entities in business partnerships and companies.

Alternative innominate phenomena are civil law phenomena that are a consequence of legal regulation according to which civil law rules allow the law enforcement agency to determine their legitimacy, given the imperative or discretionary nature of these rules. In other words, alternative innominate legal phenomena arise if there is no certain decision of the legislator on the admissibility or inadmissibility of innominate phenomena (e.g., exhaustive lists of grounds for terminating contracts and assessing the admissibility of alterations).

Данная классификация непоименованности является основополагающей для правоприменительных органов на стадии установления легитимности непоименованного правового явления.

В завершение вопроса о видах непоименованности в гражданском праве предложим еще одну классификацию, не основанную на ее взаимосвязи с пробелами в праве. Она лежит на поверхности, но, как представляется, может быть отправной точкой для дальнейшего изложения и систематизации вопросов о непоименованности в силу доктринальной пробельности данного вопроса. Непоименованными в законе учеными называются не только явления реальной действительности (факты, способы защиты, объекты и т. д.), но и те правовые формы, в которые они облекаются (правоотношения, субъективные права, обременения и т. д.). Это вполне понятно, поскольку, например, непоименованный договор, как юридический факт, порождает существование непоименованных субъективных прав и обязанностей (непоименованное правоотношение). Это позволяет оценивать непоименованность не только с позиции фактически отношений, но и с позиции принимаемых ими правовых форм. Вместе с тем все же большинство непоименованных явлений являются явлениями фактического порядка, которые имеют место в реальной жизни. Основываясь на общепризнанном в правоведении понимании общественных отношений и их элементов, к ним следует отнести: а) факты реальной действительности, влекущие наступление гражданско-правовых последствий (юридические факты); б) объекты общественных отношений; в) субъекты общественных отношений. Самую большую группу непоименованности составляют, безусловно, юридические факты в силу их многообразия. Речь идет о непоименованности не только в рамках устоявшихся классификационных групп (действия / события, акты / поступки и т. д.), но и об отдельных видах юридических фактов. В частности, цивилисты обоснованно рассуждают о сфере допустимости непоименованных односторонних сделок¹, о непоименованных осно-

¹ Так, в частности, приводятся аргументы в пользу возможности существования непоименованных (ни в позитивном праве, ни в соглашении сторон) односторонних сделок. К ним отнесены телеологические доводы, а также ссылки на подп. 1 п. 1 ст. 8 ГК РФ, который недвусмысленно допускает существование односторонних сделок,

ваниях прекращения обязательств² (в том числе непоименованных основаниях расторжения договора), непоименованных обеспечительных мерах³ и т. д.

Применительно к правовым формам общественных отношений и их элементам следует выделить непоименованность а) субъективных прав, б) юридических обязанностей, в) гражданских правоотношений, г) обременений. Помимо этого, считаем возможным говорить о непоименованных секундарных правах, интересах, а также кредиторских обязанностях.

Таким образом, в зависимости от вида непоименованного явления предлагается выделить непоименованность общественных (фактических, реальных) отношений и их элементов и непоименованность правовых форм общественных отношений и их элементов.

Обратимся к анализу отдельных непоименованных явлений в гражданском праве более подробно.

Непоименованные явления реальной действительности в гражданском праве

Непоименованные субъекты гражданского права. Общеизвестно, что перечень субъектов гражданского права императивно установлен в подразделе 2 раздела I ГК РФ и включает граждан, юридических лиц, РФ, субъектов РФ и муниципальные образования. Попытки отнести к субъектам гражданского права иных участников отношений нельзя признать легитимными, поскольку перед нами запрещенная непоименованность. В таких условиях обсуждение вопроса о непоименованных субъектах гражданского права выглядит излишним. Вместе с тем данная проблема не представляется столь простой, как кажется на первый взгляд. Так, следует констатировать, что в российской

которые не предусмотрены законом, но не противоречат ему (см. [45]).

² Поэтому в законодательство можно было бы внести норму о том, что обязательство прекращается не только надлежащим исполнением, но и осмысленным принятием кредитором ненадлежащего исполнения в счет договора. На данный момент разумнее говорить о непоименованном способе прекращения обязательства (см. [25, гл. 3, § 2]).

³ Перечень обеспечительных мер открытый: в необходимых случаях судья или суд может принять иные меры по обеспечению иска, не предусмотренные соответственно ГПК РФ и АПК РФ. ... При выборе подходящих «непоименованных» обеспечительных мер суду следует руководствоваться принципом целесообразности и нормами применимого материального права (см. [43]).

This classification is fundamental for law enforcement agencies establishing the legitimacy of an innominate legal phenomenon.

To conclude, let us propose one more classification of innominate legal phenomenon that is not based on their relationship with gaps in law. This classification is evident. However, it can become a starting point for further presentation and systematization of issues of innominate legal phenomena due to the existence of doctrinal gaps. Phenomena of reality (facts, remedies, objects, etc.) and their legal forms (legal relations, legal rights, encumbrances, etc.) are referred to innominate legal phenomena. This is evident, because, for example, an innominate contract as a legal fact gives rise to the creation of innominate legal rights and obligations (innominate legal relations).

This allows us to evaluate innominate legal phenomena in terms of legal relations and legal forms. Nevertheless, the majority of innominate legal phenomena are ordinary phenomena that arise in reality. According to the generally recognized understanding of social relations and their elements in jurisprudence, they include: a) facts of reality entailing civil law consequences (legal facts); b) objects of social relations; c) subjects of social relations.

The largest group of innominate phenomena includes diverse legal facts.

These are innominate legal phenomena within the classification groups (actions / events, acts, etc.) and legal facts. In particular, civil law researchers analyze the scope of admissibility of innominate unilateral transactions¹, innominate

¹ In particular, arguments are given in favor of the existence of innominate (neither in positive law, nor in agreements) unilateral transactions. These include teleological arguments, as well as references to Article 8 of the Civil Code of the Russian Federation, which explicitly allows for the existence of unilateral transactions that are not stipulated by law but do not contradict it (see [45]).

grounds for termination of obligations² (including innominate grounds for termination of contracts), innominate legal remedies³, etc.

As for legal forms of social relations and their elements, it is necessary to identify innominate a) legal rights; b) legal obligations; c) civil law relations; d) encumbrances.

In addition, there are innominate secondary rights, interests, and creditor's obligations.

Thus, depending on the type of innominate legal phenomena, there are innominate social (actual, real) relations and their elements and innominate legal forms of social relations and their elements.

Let us analyze some innominate phenomena in civil law.

Real Innominate Phenomena in Civil Law

Innominate subjects of civil law. The list of subjects of civil law has been established in subsection 2 of Section I of the Civil Code of the Russian Federation. It includes citizens, legal entities, the Russian Federation, constituent entities of the Russian Federation and municipal entities. Attempts to include other subject into the list are not legitimate, since they are considered innominate subjects. In this case, it is redundant to discuss the issue of innominate subjects of civil law. At the same time, this problem is rather complex. Some

² Therefore, it is possible to adopt a legal rule according to which the obligation can be terminated by proper execution and deliberate acceptance of improper performance on account of the contract. It is an innominate method for terminating an obligation (see [25, Ch. 3, § 2]).

³ The list of legal remedies is non-exhaustive: to secure the claim, the court may take other legal remedies which are not provided for by the Civil Procedure Code of the Russian Federation and the Commercial Procedure Code of the Russian Federation. ... When choosing innominate legal remedies, the court should be guided by the principle of expediency and rules of the applicable substantive law (See: [43]).

и зарубежной правовой литературе за последние десятилетия сложилось целое научное направление по обоснованию возможности отнесения животных к субъектам права в целом и субъектам гражданского права в частности. И если российские ученые, обнаруживающие в отечественном законодательстве обороты, характерные для признания животных субъектами права¹, преимущественно констатируют абсурдность их использования [14], то в зарубежной литературе, как минимум, обосновывается необходимость отдельной правовой категории для животных, которая отличается от их понимания как объекта права собственности и субъекта права [81]. Одновременно с этим приводятся аргументы и в пользу обоснования иных альтернатив. Так, популярной является не только теория измененного статуса собственности [68] для таких объектов, как животные, но и внедрение модели опеки [69] – приравнивание животных к таким субъектам, как малолетние дети и лица, признанные недееспособными. Ученые отмечают наличие отношений правового характера между человеком и животным, которые требуют от человека функции контроля и меры ответственности за них, а в отношении домашних животных пытаются обосновать концепцию «семьи», но не как субъекта права, а как особой общности, понимание которой разнообразно для различных людей [80].

Таким образом, противоречивые положения многочисленных российских законодательных актов в отношении животных и животного мира, а также имеющиеся тенденции по данной проблеме за рубежом приводят не только к «подхватыванию» данных идей российскими учеными², но и к возможному появлению непоименованного на данный момент субъекта гражданского права.

¹ Например, жизнь или здоровье животных.

² А. П. Анисимов обосновывает, например, следующее: «Домашние животные должны получить статус особого субъекта гражданского права вместо сегодняшнего статуса «особого объекта гражданского права»». При этом ученый, с одной стороны, отмечает, что ряд элементов правоспособности граждан животным чужды (право осуществлять предпринимательскую деятельность), однако, с другой стороны, указывает, что некоторые из этих элементов уже имеют опыт реализации в других странах либо теоретически могут быть реализованы (право на имя, права авторов, право наследовать имущество). Отрицается исследователем возможность для животных обладать обязанностями и быть привлеченными к юридической ответственности (см. [2]).

Еще одним аспектом указанного вопроса является проблема «коллективных субъектов права». В частности, речь идет и о групповых исках, которые совсем недавно были легализованы в российском правовом порядке. Применительно, например, к США ученые отмечали, что жесткость норм общего права не позволяла американским судам обеспечивать защиту «неизвестных, непоименованных или не участвующих лиц, чьи интересы в споре могут заключаться в рассмотрении дела», и лишь практическая необходимость заставила их использовать институт представительского иска [21].

Особую актуальность приобретают в последние годы дискуссии о статусе отдельных гражданско-правовых сообществ, которые являются неправосубъектными объединениями, но которые наделены правом сообща реализовывать субъективные права и защищать их. Как справедливо отмечают исследователи, это является «одним из примеров непоименованной в отечественном законодательстве, но хорошо известной зарубежному договорному праву совместной множественности» [27]. Это касается и отдельных корпоративных прав (например, реализации и защиты права созыва внеочередного общего собрания акционерами, обладающими в совокупности 10 % голосующих акций общества), и жилищных прав, реализуемых и защищаемых участниками общего собрания собственников помещений в многоквартирном доме и др.

Таким образом, императивно закрепленный перечень из пяти субъектов гражданского права фактически на сегодняшний день может быть дополнен иными непоименованными субъектами с отдельным обоснованием и дополнительной аргументацией. Вполне допустимо, что при определенных условиях перечень поименованных субъектов гражданского права может быть дополнен в обозримом будущем³.

Непоименованные объекты гражданского права. Данный вид непоименованности следует отнести к запрещенной, поскольку доктрина аксиоматично исходит из необходимости наличия одного из базовых признаков любого

³ В зарубежной юридической литературе уже обсуждаются проблемы гражданско-правовой ответственности за вред, причиненной автономными автомобилями, появление которых уже данность сегодняшнего дня (см. [79]).

Russian and foreign researchers consider animals to be subjects of law in general and subjects of civil law in particular. While Russian researchers, who have found legal rules allowing for recognizing animals as subjects of law,¹ state the absurdity of using these rules [14], foreign researchers justify the need for a special legal category that would differ from objects of law and subjects of law [81]. Arguments for other alternatives are also being given. The altered ownership status theory [68] and the guardianship model [69] equating animals to children and disabled persons are very popular. Scientists indicate the existence of legal relations between humans and animals that allow humans to control and bear responsibility for animals. In relation to domestic animals, they try to justify the concept of family as a special community that has various interpretations [80].

Thus, the contradictory provisions of numerous Russian laws on animals and wildlife, and the trends existing in foreign countries contribute to the development of foreign ideas by Russian scientists² and creation of an innominate subject of civil law.

One more aspect is the issue of ‘collective legal subjects’. This issue concerns class actions,

¹e.g. life or health of an animal.

² For example, A. P. Anisimov justifies the following: ‘Domestic animals should be accorded the status of a special subject of civil law instead of the current status of a ‘special object of civil law’’. On the one hand, the scholar, notes that some elements of citizens’ legal capacity are alien to animals (the right to entrepreneurial activity). On the other hand, he points out that some of these elements have been implemented in other countries or theoretically could be implemented (right to a name, author’s right, right of inheritance). The researcher denies the possibility for animals to have duties and be brought to legal liability (see [2]).

which have been recently legalized by the Russian legislation. In the United States, the rigidity of common law rules did not allow American courts to protect unknown, innominate, or uninvolved persons interested in hearing of a case and using the institute of a representative for practical purposes [21].

Currently, researchers are dealing with the status of individual civil law communities that are not legal subjects but have the right to jointly exercise and protect rights. According to Russian researchers, this is ‘one of the examples of joint plurality, which is innominate in Russian law but well known in foreign contract law’ [27]. This applies to corporate rights (e.g., the exercise and protection of the right to convene extraordinary general meetings by shareholders holding 10% of the voting shares), housing rights exercised and protected by participants in general meetings of premises owners, etc.

Thus, some other agents can be included into the imperative list of subjects of civil law. Under certain conditions, the list of nominate subjects of civil law may be expanded³.

Innominate objects of civil law. This type of innominate legal phenomena should be referred to the prohibited ones, since the doctrine axiomatically proceeds from the need for one of the basic

³ Foreign lawyers discuss the issues of civil liability for damage caused by autonomous cars which are an inevitable fact of life (see: [79]).

объекта права – его «юридического признания», т. е. закрепление в законе в качестве такового. Это выражается в справедливых категоричных утверждениях о том, что непоименованных объектов гражданских прав вообще существовать не может.

Вместе с тем перечень объектов гражданских прав, поименованный в статье 128 ГК РФ, открывает достаточно широкое поле для дискуссии об отнесении тех или иных явлений реальной действительности к соответствующему объекту гражданского права, в первую очередь в силу открытой позиции по такому объекту, как «иное имущество». Например, животные, о которых ГК РФ упоминает в статье 137, в качестве самостоятельного объекта гражданских прав не названы, а их безапелляционное отнесение к имуществу, как минимум, спорно, поскольку ГК РФ использует оборот о том, что к животным **применяются** общие правила об имуществе. Кроме того, вопрос о поименованности или непоименованности отдельных объектов связан с отсутствием общепризнанного доктринального и практического понимания многих объектов гражданских прав, названных в качестве родовых понятий: речь идет и о понятии имущества [61], и о понятии имущественных прав [36; 64], и даже о понятии вещи [48]. В такой ситуации постоянно возникает вопрос о необходимости доказывания возможности отнесения тех или иных видовых понятий к различным объектам гражданских прав, что не может не дестабилизировать гражданский оборот. Наглядно это представлено в научных исследованиях, где критикуется позиция о допустимости отнесения непоименованных вещей к недвижимости, поскольку это приводит к необходимости судебного доказывания данного факта и, соответственно, усложнению гражданского оборота. Законодатель в таких условиях стремится к тотальному перечислению в законе объектов, которые можно было бы отнести к недвижимому имуществу [41].

Российская цивилистическая литература обилует многочисленными примерами, опираясь на которые ученые обосновывают необходимость совершенствования и развития теории гражданского права в аспекте объектоспособности различных благ. Речь идет и о возможно-

сти признания в качестве таковых договоров и сделок¹, и о возвращении в статье 128 ГК РФ информации², и о спорности правовой квалификации доли в качестве объекта гражданских прав³.

Серьезная научная дискуссия [9] сопровождает и процесс появления новых объектов гражданских прав, вызванных цифровизацией. И российские, и зарубежные исследователи обсуждают объектоспособность цифровых прав, криптовалют, токенов, больших объемов информации в гражданском праве [77; 83].

Серьезную полемику в зарубежной литературе вызвал вопрос о возможности отнесения к самостоятельному объекту наследования аккаунта в социальной сети. На примере решений судебных инстанций Германии, выносивших различные вердикты, обосновывается вывод о возможности включения аккаунта (договора об учетной записи (аккаунте) в социальных сетях) в наследственную массу и признания за ним статуса объекта, подлежащего наследованию [75].

Резюмируя, укажем, что появление непоименованных объектов гражданских прав – реальность сегодняшней действительности. Правоприменительные органы в этом случае могут занять лишь две позиции: либо отказывать в защите прав участникам гражданско-правовых отношений в силу непоименованности данных объектов в законе, что достаточно часто имеет место⁴, либо относить данные объекты к уже

¹ Ученые по этому поводу пишут: «Совершенно естественно, что развитие и диверсификация экономических и предпринимательских отношений неумолимо приводят к диверсификации, усложнению, расширению числа и т.п., в том числе видов объектов гражданских прав (правоотношений). Гражданская правообъектность срочных договоров еще не так рельефна, как правообъектность закрепляемых ими имущественных прав, однако ее проявления будут стремительно развиваться вслед за развитием срочного рынка и рыночной экономики в целом» [1].

² По гражданскому законодательству, нормы федеральных законов не должны противоречить Гражданскому кодексу, в связи с чем информация, как непоименованный в ст. 128 объект гражданских прав, таковым признаваться на данный момент не может. Соответственно, информация может являться объектом гражданско-правовых отношений только в качестве составной части объекта, подлежащего гражданско-правовой защите, не становясь при этом самостоятельным элементом правовой системы (см. [26]).

³ Речь идет и о долях в уставном капитале хозяйственных обществ, и о долях в праве собственности на объекты недвижимого имущества (см., например, [56; 58]).

⁴ Например, апелляционные определения: Московского городского суда от 24.10.2019 г. по делу № 33-45558/2019; Ульяновского областного суда от 31.07.2018 г. по делу

features of any object of law – its ‘legal recognition’, i.e. it has to be established by law. This is expressed in fair statements that innominate objects of civil law cannot exist.

At the same time, the list of objects of civil law (Article 128 of the Civil Code of the Russian Federation) provides a wide field for discussion on the categorization of certain legal phenomena as objects of civil law due to the non-exhaustive list of ‘other property objects’. For example, animals mentioned in Article 137 of the Civil Code of the Russian Federation are not nominated as an independent object of civil law, and it is incorrect to refer them to property objects, since the general rules on property *are applied* to the animals. In addition, the issue of nominate and innominate objects is associated with the lack of a universal doctrinal and practical understanding of many objects of civil law named as generic concepts: the concept of property [61], property rights [36; 64], things [48], etc. It is necessary to prove the possibility of referring certain concepts to objects of civil law, which can destabilize civil law relations. Some studies criticize the admissibility of referring innominate things to real estate objects, since this requires proof of this fact through judicial procedures and complicates civil law relations. The legislator attempts to list all the property objects [41].

Russian civil law researchers substantiate the need to improve and develop the theory of civil law expanding the number of objects of civil law relations. They want contracts and transactions¹ to be recognized as objects of civil

¹ In this regard, scientists note that ‘it is natural that the development and diversification of economic and entrepreneurial relations inexorably leads to diversification, complication, expansion of the number and types of objects of civil law (le-

law relations and information² to be included in Article 128 of the Civil Code of the Russian Federation. They indicate the controversial nature of the legal qualification of a share as an object of civil law relations³.

Scientific discussion [9] accompanies the creation of digital objects of civil law. Both Russian and foreign researchers discuss the objectivity of digital rights, cryptocurrencies, tokens, and large amounts of information in civil law [83; 77].

In foreign literature, the issue of referring a social network account to independent objects of inheritance raised controversy. Based on the decisions of German courts, the possibility of including a social network account (an account agreement) into the inheritance stock and recognizing it as an object of inheritance has been substantiated [75].

To summarize, the emergence of innominate objects of civil law is a fact of reality. Law enforcement agencies can either refuse to protect the rights of participants in civil law relations because these objects are innominate in law (which often happens⁴) or refer these objects to generic objects that are nominate in law (which is possible due to

gal relations). The civil law objects of fixed-term contracts are not yet as prominent as the legal nature of the property rights. However, they are rapidly developing following the market development’ [1].

² In accordance with civil legislation, the rules of federal laws must not contradict the Civil Code. The object which is not mentioned in Article 128 cannot be an object of civil law. Accordingly, information can be an object of civil legal relations only as an integral part of an object covered by civil legal protection, without being an independent element of the legal system (See: [26]).

³ These are shares in the authorized capital of business companies and shares in the real estate ownership (see [56; 58]).

⁴ E.g., the Decision of the Appellate Court of Moscow of October 24, 2019 in case No. 33-45558/2019; the Decision of the Ulyanovsk Regional Court of July 31, 2018 in case No. 33-3142/2018. Access from the legal reference system ‘ConsultantPlus’ (accessed 23.12.2019).

поименованным в законе родовым объектам, что вполне возможно в силу отсутствия законодательных дефиниций и общепризнанных признаков¹.

Непоименованные юридические факты гражданского права. Как уже было отмечено выше, согласно статье 8 ГК РФ, посвященной юридическим фактам, перечень юридических фактов гражданского права не является закрытым, что дает основание говорить о существовании допускаемой непоименованности применительно к указанному явлению. Вместе с тем подобная непоименованность возможна только в отношении таких юридических фактов, как действия граждан и юридических лиц. Соответственно, события или действия, например, публичных органов не могут порождать гражданско-правовые последствия, если они прямо не поименованы.

Помимо этого, закрытый перечень установлен в статье 8 ГК РФ в отношении оснований возникновения гражданских прав и обязанностей. Таким образом, положения ГК РФ не охватывают своим содержанием юридические факты, которые прекращают или изменяют гражданские права и обязанности, а также порождают иные значимые гражданско-правовые последствия.

С непоименованностью различных явлений реальной действительности цивилистическая наука сталкивается применительно к многочисленным случаям фиксации открытых или закрытых перечней оснований расторжения и прекращения договоров, оснований возникновения и прекращения права собственности и иных вещных прав, мер ответственности и способов защиты гражданских прав и многих других ситуаций. Рамки данной работы не позволяют даже путем общего описания перечислить все возможные складывающиеся в этой сфере ситуации, однако именно в этой области с позиции судебного толкования распространена альтернативная непоименованность. Судебные

органы, имея в арсенале разъяснения ВАС РФ «О свободе договора и ее пределах»² (далее – Постановление № 16), получают возможность в каждом конкретном случае признать соответствующие непоименованные основание / компетенцию / меру / способ либо допустимыми в силу диспозитивности гражданско-правового регулирования, либо недопустимыми в силу императивности соответствующих норм.

Поясним сказанное на примерах с основаниями расторжения договора. Статья 698 ГК РФ закрепляет закрытые перечни оснований досрочного расторжения договора ссуды по инициативе ссудополучателя и ссудодателя, аналогичная ситуация существует и в отношении договора коммерческого найма жилого помещения, расторгаемого по инициативе наймодателя (ст. 685 ГК РФ). Существует ли возможность включения в договор ссуды или договора найма иного, не поименованного в данных статьях, основания для расторжения договора? Допускает ли подобную непоименованность ГК РФ? Следуя аргументам Постановления № 16, полагаем, что указанные нормы не являются императивными, поскольку не содержат явно выраженного запрета на установление соглашением сторон условия договора, отличного от предусмотренного этой нормой правила. Вместе с тем возможно привести и аргументы в пользу их императивного характера, который может быть обоснован исходя из целей законодательного регулирования: нетипичной для гражданского оборота безвозмездности указанных отношений (ссуда) или необходимости защиты слабой стороны правоотношений – проживающего лица (наем).

Обратимся теперь более подробно к **непоименованным способам защиты гражданских прав**. Учение о защите гражданских прав представляет собой самостоятельное учение в цивилистике и напрямую не освещается в привязке к юридическим фактам гражданского права. Вместе с тем применение участниками отношений большинства способов защиты гражданских прав можно рассматривать и через призму фактов реальной действительности, которые порождают гражданско-правовые последствия, правда, в большинстве своем эти

the lack of legislative definitions and universally recognized features¹).

Innominate legal facts of civil law. According to Article 8 of the Civil Code of the Russian Federation, the list of legal facts of civil law is not exhaustive, which allows the existence of admissible innominate legal facts. At the same time, only such legal facts as actions of citizens and companies can be innominate. Accordingly, events or actions of public bodies cannot give rise to civil law consequences if they are not explicitly named in law.

In addition, in Article 8 of the Civil Code of the Russian Federation, there is an exhaustive list of grounds for *creating* legal rights and legal obligations. Thus, the provisions of the Civil Code of the Russian Federation neither cover legal facts that terminate or alter civil rights and obligations nor give rise to other civil law consequences.

Civil law science deals with innominate phenomena of reality in relation to numerous exhaustive and non-exhaustive lists of grounds for termination of contracts, creation and termination of property rights and other property law rights, liability and legal remedies, etc. Given the scope of the present article, it is difficult to list all possible innominate legal phenomena. In terms of the judicial interpretation, alternative innominate legal phenomena are widespread in this area. According to the Explanation of the Supreme Commercial Court of the Russian Federation ‘On freedom of contract and its limits’ (Decree No. 16)², the judi-

cial authorities are entitled to recognize innominate grounds, competences, measures, legal remedies either admissible due to the discretionary nature of civil law or inadmissible due to the imperative nature of the relevant legal rules.

Let us give examples of grounds for contract termination. Article 698 of the Civil Code of the Russian Federation establishes exhaustive lists of grounds for early termination of a loan agreement by the borrower and the lender. There is an exhaustive list of grounds for termination of a commercial tenancy agreement by the landlord (Article 685 of the Civil Code of the Russian Federation). Is there a possibility to include an innominate ground for termination of a loan agreement or a tenancy agreement? Does the Civil Code of the Russian Federation allow the inclusion of innominate grounds? According to Decree No. 16, these rules are not imperative, since they do not contain an explicit prohibition on the inclusion of a term different from that provided for by this provision. At the same time, it is possible to give arguments in favor of their imperative nature, which can be justified on the basis of intentions of the legislator: atypical gratuitousness of the legal relations (loan) or the need to protect the tenant being the weaker party.

Innominate legal remedies. The remedy doctrine is an independent doctrine in civil law science that is not directly related to the facts of civil law. At the same time, the use of legal remedies can be viewed through the prism of facts of reality that give rise to civil law consequences. However,

№ 33-3142/2018 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹ Так, ученые отмечают, что установление наличия определенных признаков дает основание «превратить непоименованный в законе объект в охраняемый объект авторского права ... Несмотря на отсутствие упоминаний в законе, в науке описывается охраноспособность мелодии, кадра кинематографического произведения, персонажа (см. [33]).

² *О свободе договора и ее пределах*: постановление Пленума Высшего арбитражного суда РФ от 14 марта 2014 г. № 16 // Вестник ВАС РФ. 2014. № 5.

¹ Scientists argue that the establishment of certain signs allows the law enforcement agencies to turn an innominate object into a protected copyright object ... Researchers describes the protectability of a melody, a film frame, a character (See: [33]).

² Resolution of the Plenum of the Supreme Commercial Court of the Russian Federation No. 16 ‘On Freedom of Contract and Its Limits’ of March 14, 2014. *Bulletin of the Supreme Commercial Court of the Russian Federation*. 2014. No. 5.

последствия не связаны с динамикой гражданских правоотношений.

Проблематика непоименованности способов защиты гражданских прав занимает почетное третье место по обращению к ней ученых, уступая лишь проблематике непоименованных договоров и способов обеспечения исполнения обязательств. На первый взгляд и цивилисты, и процессуалисты едины в том, что непоименованные способы защиты гражданских прав, безусловно, имеют право на существование. Так, например, В. В. Ярков, описывая предмет иска, безапелляционно утверждает, что в качестве одного из его составляющих выступает способ защиты субъективного права либо охраняемого законом интереса, который может либо прямо содержаться в законе, либо быть непоименованным [3].

Вместе с тем выводы, сформулированные в специальных исследованиях ученых в этой сфере, уже не столь категоричны.

Как было отмечено выше, не решен вопрос о том, что считать непоименованными способами защиты – только те, которые отсутствуют в статье 12 ГК РФ, или те, которые не указаны в любых статьях ГК РФ, или те, которые не упоминаются в судебных решениях, или те, которые вообще нигде не упоминаются, но могут быть применены исходя из общих начал и смысла гражданского законодательства? Так, многие цивилисты полагают правильным первый подход и относят к непоименованным способам защиты, например, иск о понуждении к заключению договора [42] или требование о переводе прав и обязанностей покупателя по договору, заключенному с нарушением преимущественного права собственности на покупку доли в праве общей долевой собственности [46]. Другие, используют категорию непоименованности в отношении исков, названных в судебной практике (например, иск о признании права или обременения отсутствующими [23] или о требовании о компенсации нематериального (репутационного) вреда юридическим лицам [12]). Представляется, что первые три ситуации могут вызывать дискуссии в доктринальном плане, но не вызывают сложностей у правоприменительных органов. Если ГК РФ упоминает о соответствующем способе защиты или какой-то способ разрешен в разъяснениях высших судебных инстанций, то вероятность применения судом данного способа защиты

субъективного гражданского права приближается к максимально возможной. Другое дело, способы, вообще не упоминаемые в источниках гражданского права. Вот здесь в теории должны быть высказаны серьезные аргументы и обоснована природа указанной непоименованности.

Для решения данной проблемы ряд исследователей предлагают предоставить субъекту права использовать любые непоименованные способы защиты, не запрещенные законом [47] или вытекающие из него [63], другими словами, отнести данную непоименованность к допустимой. Это даст свободу правоприменительным органам для расширения сферы способов защиты гражданских прав и интересов, что в конечном счете позитивно отразится на гражданском обороте. В действующих условиях судебные органы в большинстве случаев не берут на себя ответственность в расширительном толковании непоименованности способов защиты, буквально трактуя положения статьи 12 ГК РФ, которая позволяет квалифицировать непоименованность способов защиты в качестве запрещенной.

Указанная трактовка дает основание цивилистам отрицать возможность непоименованных способов защиты в различных частных случаях. Так, Ю. П. Свит применительно к требованиям, вытекающим из закона о банкротстве¹, указывает: «Кредиторы вправе самостоятельно выбрать способ распоряжения требованием из числа предусмотренных Законом о банкротстве. Распоряжение правом требования способом, непоименованным в Законе о банкротстве, не допускается» [44]. Безуспешно ученые пытаются убедить судебные органы в допустимости использования без ограничений такого способа защиты [13], как принесение извинения, несмотря на тот факт, что пункт 2 статьи 150 ГК РФ прямо указывает, что нематериальные блага защищаются не только в соответствии с ГК РФ и другими законами в случаях и порядке, ими предусмотренными, но также и в случаях и пределах, в каких использование способов защиты гражданских прав (ст. 12 ГК РФ) вытекает из существа нарушен-

¹ О несостоятельности (банкротстве): Федер. закон от 26 окт. 2002 г. № 127-ФЗ (ред. от 27.12.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.01.2020) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 43, ст. 4190.

these consequences are not related to the dynamics of civil law relations.

Innominate legal remedies rank third (following innominate contracts and innominate performance bonds) among innominate legal phenomena studied by researchers. At first glance, both civil law and procedure law researchers agree that innominate legal remedies can exist. Describing the claim subject, V. V. Yarkov argues that one of its components is a legal remedy that can be either nominate or innominate [3].

At the same time, the conclusions drawn by researchers in this field are no longer so categorical.

As previously stated, it is unclear which remedies are to be considered innominate: those that are not mentioned in Article 12 of the Civil Code of the Russian Federation, or those that are not mentioned in any articles of the Civil Code of the Russian Federation, or those that are not mentioned in court decisions, or those that are not mentioned in any legal acts but can be applied following the general principles of civil law. Some civil law researchers believe that the first approach is right and refer a contract conclusion coercion claim [42] or an assignment claim (if the right of preference was violated) to innominate legal remedies [46]. Other civil law researchers apply the concept of innominate remedies to claims that are mentioned in judicial decisions (e.g., a title invalidation claim, an encumbrance freedom claim [23] or a claim for company's reputation damage [12]). The first three situations may cause doctrinal disputes but do not present challenges for law enforcement agencies. If the Civil Code of the Russian Federation mentions a legal remedy or a remedy is mentioned in the explanations of the highest judicial body, the probability that the court will use this remedy is maximum possible. Legal remedies that are mentioned in sources of civil law are an issue for discussion.

Researchers should substantiate the nature of these innominate legal remedies.

To solve this problem, some researchers suggest entitling the subject to use any innominate legal remedies that are not prohibited by law [47] or arising from law [63]. In other words, they suggest referring innominate legal remedies to admissible innominate legal phenomena. This allows law enforcement agencies to expand the scope of legal remedies, which will have a positive effect on civil law relations. Under the current conditions, the courts literally interpret the provisions of Article 12 of the Civil Code of the Russian Federation and refer innominate legal remedies to prohibited innominate legal phenomena.

This interpretation gives civil law researchers grounds to deny the use of innominate legal remedies in special cases. With regard to claims arising from the Bankruptcy Law, Yu. P. Sweet argues that 'lenders are entitled to independently choose a legal remedy from among those provided for by the Bankruptcy Law¹. Disposal of the right of claim in a manner not specified in the Bankruptcy Law is not permitted' [44]. Scientists failed to convince the courts of the admissibility of such a remedy [13] as an apology despite the fact that Clause 2 of Article 150 of the Civil Code of the Russian Federation explicitly says that intangible goods are protected in accordance with the Civil Code of the Russian Federation and other laws in cases and in a manner stipulated by them, and when the use of legal remedies (Article 12 of the Civil Code of the Russian Federation) results from

¹ Federal Law No. 127-FZ of October 26, 2002 'On Insolvency (Bankruptcy)' (as amended on 08.01.2020). *Collection of Legislative Acts of the Russian Federation*. 2002. No. 43. Art. 4190.

ного нематериального права и характера последствий этого нарушения¹.

Вместе с тем нельзя игнорировать и существование иных примеров в правоприменительной практике. Так, истцом было предъявлено требование о признании действий по уведомлению о предстоящем ограничении режима потребления электроэнергии, совершенных ответчиком в форме письма, незаконными. Суть спора заключалась в том, что крестьянско-фермерское хозяйство (далее – КФХ) не соглашалось с «Саратовэнерго» в расчетах за поставленную энергию, но вынуждено было оплачивать эти счета, поскольку Общество использовало внесудебную процедуру и уведомляло о предстоящем ограничении режима потребления электроэнергии. Нижестоящие инстанции отказали КФХ в защите лишь на том основании, что им выбран неверный способ защиты права, не указанный в законе. ВС РФ отметил, что направление Обществом уведомлений об ограничении приобрело системный характер в силу возникших между сторонами договора энергоснабжения разногласий о приборе учета, который должен использоваться в расчетах за поставленную электрическую энергию. Общество, не реализовав право на обращение в арбитражный суд с иском о взыскании с КФХ задолженности или с иным иском, рассмотрение которого внесет определенность в правоотношения сторон по расчетам, использует несудебную процедуру с целью понудить истца произвести оплату долга. Также ВС РФ указал, что заявленное требование по своей природе является требованием о пресечении действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения, носит превентивный характер, направлен на исключение угрозы материальному праву истца, предупреждение вредных последствий таких действий. При таких обстоятельствах выбранный КФХ способ защи-

ты является надлежащим, соотносится с правом истца самостоятельно определить наиболее эффективный способ защиты права из предусмотренных законодательством способов².

Приведенный пример демонстрирует, что не поименованный напрямую способ защиты был разрешен судом, с использованием ранее обоснованного нами инструментария о наделении видового понятия признаками родового. Требование о признании действий по уведомлению незаконными, не поименованное в законе, было отнесено к требованию о пресечении действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения, которое прямо закреплено в статье 12 ГК РФ. Но как мы видим, смелость в подобной квалификации проявил лишь Верховный Суд РФ.

Именно поэтому относимся с достаточной долей осторожности к предложениям исследователей [20, § 4] о возможности допущения разрешенной непоименованности способов защиты гражданских прав, восприняв опыт, например, украинского гражданского законодательства. Так, согласно части 2 статьи 16 Гражданского кодекса Украины³, суд может защитить гражданское право или интерес не только способами защиты, закрепленными в части 1 статьи 16 ГК Украины, но и иным способом, установленным договором или законом. В этой связи украинские цивилисты [73; 82] обсуждают сложности и проблемы применения судами не поименованных в законе способов защиты частных прав.

Таким образом, ситуация в сфере непоименованных способов защиты гражданских прав в России мало чем отличается от непоименованности иных явлений. Представляется, что следует согласиться с доводами тех исследователей, кто обосновывает необходимость закрепления на первом этапе в российском гражданском законодательстве допустимой непоименованности способов защиты гражданских прав, что позволит расширить диспозитивный потенциал гражданско-правового регулирования и послужит основой для дальнейшего расширения сферы данной непоименованности и отнесения ее к разрешенной.

² Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 15.04.2019 г. № 306-ЭС18-20653. URL: http://vsrf.ru/stor_pdf_ec.php?id=1760370 (дата обращения: 23.10.2019).

³ Цивільний кодекс України: вступив у чинність 01.01.2004. (ред. від 02.08.2018). URL: <https://urist-ua.net/> (дата обращения: 23.10.2019).

¹ При этом заметим, что, согласно абз. 3 п. 18 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц», установлено право суда на утверждение мирового соглашения, в соответствии с которым стороны по обоюдному согласию предусмотрели принятие ответчиком извинения в связи с распространением не соответствующих действительности порочащих сведений в отношении истца, поскольку это не нарушает прав и законных интересов других лиц и не противоречит закону, который не содержит такого запрета // Бюл. Верхов. Суда РФ. 2005. № 4.

the nature of the violated intangible right and the consequences of this violation¹.

At the same time, one cannot ignore the existence of other examples in law enforcement practices. For instance, the plaintiff brought a claim to declare the energy-consumption constraint notification letter illegal. A peasant farm did not agree with Saratovenergo company on electricity bills, but they were forced to pay these bills, since the energy company used extrajudicial methods and notified of the impending electricity consumption constraint. Lower authorities refused to protect the peasant farm because the farmers had chosen an innominate legal remedy. The Supreme Court of the Russian Federation noted that energy-consumption constraint notification letters were regular due to the disagreement between the parties to the energy supply agreement on the metering device, which had to be used for calculating energy consumption. Not exercising the right to appeal to the commercial court with a lawsuit to recover debt or with another lawsuit, the energy company used an extrajudicial remedy to compel the plaintiff to pay the debt. The Supreme Court of the Russian Federation noted that the claim was a requirement to suppress actions that violated the right or created a threat of its violation. It is preventive in nature, aimed at eliminating the threat to the plaintiff's material right and preventing the harmful consequences of such actions. In such circumstances, the remedy chosen by the peasant farm is appropriate; it correlates with the plaintiff's right to indepen-

dently choose the most effective remedy prescribed by law².

The example shows that the innominate legal remedy was allowed by the court attributing features of the generic phenomenon to the specific one. The claim to declare the notification illegal was referred to the claim to suppress actions that violate the right or create a threat of its violation enshrined in Article 12 of the Civil Code of the Russian Federation. One can see that only the Supreme Court of the Russian Federation categorized the claim as legal.

Based on the experience of Ukrainian civil law, we treat suggestions of researchers [20, § 4] about the admissibility of innominate legal remedies with caution. According to Part 2 of Article 16 of the Civil Code of Ukraine³, the court can protect civil rights or interests using remedies provided for by Part 1 of Article 16 of the Civil Code of Ukraine and other contractual or statutory remedies. In this regard, Ukrainian civil law researchers [73; 82] discuss problems of application of innominate legal remedies by the courts.

Thus, in Russia, the status of innominate legal remedies is similar to that of other innominate legal phenomena. It is necessary to agree with those researchers who justify the need to include admissible innominate legal remedies into the civil legislation. It will expand the discretionary potential of civil law and serve as the basis for increasing the number of admissible innominate legal remedies and referring them to the authorized ones.

¹ According to para. 3 of Clause 18 of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 3 of February 24, 2005 'On Judicial Practice in Cases on Protection of Honor and Dignity of Citizens and Business Reputation of Citizens and Legal Entities', the court is entitled to approve amicable agreements according to which the defendant must offer apologies for the dissemination of false information defaming the plaintiff, if this does not violate the rights and legal interests of other persons and does not contradict the law'. *Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation*. 2005. No. 4.

² Decision of the Judicial Board for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of April 15, 2019 No. 306-ES18-20653. Available at: http://vsrf.ru/stor_pdf_ec.php?id=1760370 (accessed 23.01.2020).

³ Civil Code of Ukraine: entered into force 01.01.2004 (as amended on 02.08.2018). Available at: <https://urist-ua.net/> (accessed 23.10.2019).

Непоименованные правовые формы в гражданском праве

Конструкции возможного и должного требуют автономного анализа с позиции их непоименованности, несмотря на то, что являются моделями реально существующих общественных отношений, поскольку именно с ними работают юристы-теоретики и юристы-практики. Данная группа непоименованности требует самостоятельного рассмотрения еще и потому, что не всегда фактические общественные отношения и их элементы могут быть отображены в правовой сфере в виде соответствующих правовых форм¹. Также следует добавить, что в отличие от непоименованности явлений фактического порядка, установление которой правоприменительными органами сводится к разрешению вопроса о ее допустимости, акцент непоименованности правовых форм уже смещается в сторону их содержательного наполнения. Другими словами, для разрешения спора судам необходимо установить перечень возможностей и долженствований, которые принадлежат участникам непоименованных правовых форм, и разрешить спор по существу.

Известно, что наиболее распространенной правовой формой является правоотношение, которое представляет собой связку субъективного права и юридической обязанности. Проанализируем непоименованность указанных правовых форм.

Непоименованное правоотношение – редко употребляемое понятие в работах цивилистов, за исключением разве что работ, посвященных проблематике непоименованных договоров. Так, обсуждая проблему дифференциации в гражданском праве, В. В. Груздев называет поименованные и непоименованные гражданские правоотношения основанием для распада цивилистической отрасли на отдельные элементы (в первую очередь, на подотрасли и институты) [15], а Д. В. Гудков, квалифицируя отношения

¹ Поясним, что факты реальной действительности отображаются в правовой сфере в виде моделей различных долженствований и возможностей (правовых форм). При этом, например, субъект как элемент фактических отношений в правовой материи отражается в виде такой правовой формы, как правовое положение, а общественное отношение – в виде правоотношения. Заметим, что, например, факты реальной действительности (юридические факты) такой формы не имеют, хотя существуют предложения по наименованию данной формы, которые, однако, далее не раскрываются даже самим их автором.

сторон до разрешения отлагательного условия, приводит одно из мнений, в соответствии с которым эти отношения должны считаться непоименованным правоотношением, возможно договором, которое может перерасти в договор купли-продажи [16].

Основываясь на понимании, ставшем аксиоматичным в юридической литературе, резюмируем, что гражданское правоотношение может быть отнесено к непоименованным, если оно: а) возникло на основании непоименованного юридического факта; б) содержит непоименованные субъективные права или юридические обязанности. О непоименованных юридических фактах речь шла выше, поэтому обратимся к непоименованным субъективным правам и юридическим обязанностям.

Разработанность проблематики непоименованных договоров не оставляет сомнения в возможности существования непоименованных договорных субъективных прав и договорных юридических обязанностей, элементы которых (правомочия и необходимости) устанавливаются судами в каждом конкретном случае, используя уже наработанные рекомендации судебных органов по данному вопросу.

Значительно сложнее обстоит дело с иными видами субъективных гражданских прав: иных обязательственных (не договорных прав), а также вещных прав. Возможно ли в настоящий момент говорить о их существовании?

В отношении вещных прав нами разделяется мнение о том, что непоименованных вещных прав существовать не может. Е. А. Суханов справедливо цитирует ученых, утверждающих, что со времен римского права допускается существование непоименованных («безымянных») контрактов, но невозможно появление «непоименованных вещных прав» [52]. Вместе с тем непоследовательность российского законодательства в указанной сфере и отсутствие единства взглядов в российской доктрине на понятие и признаки вещных прав приводят к регулярному доказыванию наличия непоименованных вещных прав.

В качестве примера можно привести обоснование закрепления на непоименованном ограниченном вещном праве золотого запаса Банка России [30], или аргументацию существования непоименованного абсолютного права, объектом которого выступают имуществ-

Innominate Legal Forms in Civil Law

Despite the fact that possible and proper forms are models of real-life social relations, which are a research object of legal theoreticians and practitioners, an autonomous analysis of their innominate nature is required. This group of innominate legal phenomena requires an independent analysis because real-life social relations and their elements may not be reflected in the legal field as legal forms¹. In addition, in contrast to actual innominate legal phenomena, admissibility of which is established by the law enforcement agencies, the emphasis of innominate legal forms has been shifted towards their meaning. In other words, in order to resolve the dispute, the courts have to establish a list of opportunities and obligations that belong to the participants in innominate legal forms.

It is known that the most common legal form is a legal relation, which is a combination of legal rights and legal obligations. Let us analyze innominate legal forms.

An innominate legal relation is a concept rarely used in civil law studies with the exception of works dealing with innominate contracts. Analyzing the issue of differentiation in civil law, V.V. Gruzdev refers nominate and innominate civil law relations to the basis for the division of civil law into sub-branches and institutions [15]. Categorizing the relations of the parties before the longstop

¹ It should be clarified that facts of reality are presented as models of various obligations and opportunities (legal forms) in the legal field. In this case, the subject as an element of legal relations has a legal status, and social relationships are presented as legal relationships. However, facts of reality (legal facts) do not have such a form. The author named these forms but did not clarify them.

date, D. V. Gudkov notes that these relations should be considered innominate legal relations (of contractual nature) which can develop into a sale contract [16].

Based on the understanding that has become axiomatic in legal literature, one can conclude that a civil relationship can be referred to the innominate one if it a) arises out of an innominate legal fact; b) involves innominate legal rights or obligations.

The innominate legal facts have been already discussed. Let us analyze innominate legal rights and legal obligations.

The analysis of innominate contracts indicates the existence of innominate contractual rights and contractual obligations whose elements (powers and needs) are established by the courts for each specific case, using the already developed recommendations of the judicial bodies.

The situation with other types of civil rights (non-contractual rights, property law rights) is much more complicated. Are there other types of innominate civil rights?

According to our opinion, innominate property rights cannot exist. We agree with E. A. Sukhanov who quotes scholars arguing that even Roman law allowed the existence of innominate contracts, but the existence of innominate property rights was not possible [52]. At the same time, the inconsistency of the Russian legislation and the gap of opinions on the nature of property rights in the Russian doctrine cause regular attempts to substantiate the existence of innominate property rights.

The researchers substantiate the existence of the innominate limited property right of the Russia Gold Reserves [30], the innominate absolute right

венные права [7], или выводы об открытом перечне целей установления сервитутов, что дает основание для суждений о наличии непоименованных сервитутов [24]. Выражением прямо противоположного взгляда на разделяемую нами позицию является классификация вещных прав, предложенная Е. А. Бариновой, в соответствии с которой вещные права предлагается разделить на поименованные в законе в качестве вещных (ст. 216 ГК РФ) и непоименованные¹.

Как представляется, дискуссия по данному вопросу продолжится до тех пор, пока российский законодатель не займет четкую позицию в вопросе о принятии (либо непринятии) принципа *numerus clausus*. Общемировые и европейские тенденции демонстрируют постепенный отказ от «предварительного ультимативного контроля создаваемых вещных ограничений (обременений) прав, согласно которому стороны обязаны действовать в соответствии с исчерпывающим перечнем достаточно строгих моделей» [31], и переход к более гибким схемам, позволяющим участникам гражданско-правовых отношений устанавливать новые вещные права при условии создания последующего (процессуального) контроля, основанного в первую очередь на законодательно закрепленных признаках вещных прав [65]. В качестве иллюстрации также можно привести положения Гражданского кодекса Испании², который не содержит даже примерного перечня вещных прав и провозглашает принцип «разрешено все, что прямо не запрещено законом», что дает основание правоприменительной практике складываться в пользу допустимости создания новых вещных прав по инициативе частных лиц [37].

Другими словами, непоименованность ограниченных вещных прав в зарубежных правовых порядках из запрещенной постепенно переходит в допускаемую непоименованность, а в ряде случаев и в разрешенную. Модель, по которой будет развиваться российское законодательство в сфере вещных прав, до сих пор не

определена: прежний законопроект о вещных правах так и не был принят, а новый пока лишь вынесен на всеобщее обсуждение³. Однако в обоих из них перечень ограниченных вещных прав предлагается сформулировать исчерпывающим образом исключительно в тексте ГК РФ, что свидетельствует о поддержке разработчиками законопроекта принципа *numerus clausus* и в случае принятия поправок приведет к окончательному закреплению запрещенной непоименованности вещных прав в российском правовом порядке.

В отношении внедоговорных обязательств следует заметить, что непоименованные деликты де-факто постоянно возникают в судебной практике. Дело в том, что глава 59 ГК РФ, содержащая общие положения о возмещении вреда, одновременно предусматривает значительное число особых (поименованных) деликтов. Соответственно, судебная практика при возникновении споров по данной категории дел постоянно вынуждена принимать решение о возможности применения общих правил о возмещении вреда или специальных правил, установленных в ГК РФ. Многочисленные примеры судебных решений по данному вопросу лишь подтверждают высказанное суждение⁴. Следует отметить, что аналогичный подход к деликтам существует и в английском праве, правда, по понятным причинам сформированный на основании анализа исков из деликтов. Ученые описывают поименованные (*nominated torts*) и безымянные, или непоименованные (*innominate torts*), деликты, отмечая, что «к разряду безымянных (непоименованных) в английском праве относятся те деликтные обязательства, которые хотя и обособились вследствие судебных исков, рассмотренных и признанных судами, но

to property rights [7], or the non-exhaustive list of grounds for acquiring servitudes that can speak for the existence of innominate servitudes [24]. We agree with E. A. Barinova who classified property rights into nominate (Article 216 of the Civil Code of the Russian Federation) and innominate ones¹.

It seems that the discussion on this issue will continue until the Russian legislator expresses a clear position on the adoption (or rejection) of the principle of *numerus clausus*. The world and European trends demonstrate the gradual rejection of ‘preliminary ultimatum control over property restrictions (encumbrances) of rights (the parties are obliged to act in accordance with an exhaustive list of rigorous models’ [31]) and the transition to more flexible schemes that allow participants in civil law relations to create new property rights regulated by the legislation based on legislative features of property rights [65]. One can also cite the provisions of the Civil Code of Spain² that does not contain a list of property rights and proclaims the principle according to which ‘everything that is not explicitly forbidden by law is allowed’, which allows law enforcement agencies to create new property rights on the initiative of individuals [37].

In other words, in foreign countries, prohibited innominate limited property rights are turning into admissible and sometimes authorized ones. The Russian property law development model has not been chosen: the previous bill on property

rights has not been adopted, and the new one has so far been brought up for discussion³. However, both bills propose an exhaustive list of property rights that has to be included in the text of the Civil Code of the Russian Federation. It speaks for the fact that the legislator follows the *numerus clausus* principle. If the amendments are adopted, prohibited innominate property rights will be enshrined in the Russian legislation.

As for non-contractual obligations, it should be noted that innominate de-facto torts regularly arise in judicial practice. Chapter 59 of the Civil Code of the Russian Federation contains general provisions on indemnification and provides for a significant number of special (nominate) torts. Accordingly, in case of disputes, the courts have to decide on the possibility of applying general rules on indemnification or special rules set by the Civil Code of the Russian Federation. The statement is confirmed by numerous examples of court decisions⁴. It should be noted that in English law, there is a similar approach to torts based on the analysis of tort claims. Researchers describe nominate torts and innominate torts and note that ‘in English law, innominate torts are those tort obligations that lack

¹ К непоименованным она относит право аренды, наем жилого помещения, ссуду, права членов семьи собственника жилья и всякое другое пользование чужим имуществом, отвечающее выработанным наукой признакам (см. [4, с. 166]).

² Гражданский кодекс Испании, 1889 г. URL: <https://pravo.hse.ru/intprilaw/doc/040601> (дата обращения: 22.10.2019).

³ Исследовательский центр частного права имени С. С. Алексеева при Президенте Российской Федерации. URL: <http://privlaw.ru/povestka-47/>.

⁴ См., например: потерпевший, виновный в неосторожном причинении вреда имуществу, которое является источником повышенной опасности, несет ответственность по общим правилам о возмещении вреда: определение Конституционного Суда РФ от 21.03.2013 г. № 424 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; на общих основаниях возмещается вред, причиненный при превышении пределов необходимой обороны либо при превышении мер, необходимых для задержания совершившего преступление лица: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 г. № 19 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹ The author refers the tenant right, the premises rental right, the loan right, the rights of family members of the real estate owner, and any other property law rights that meet the criteria developed by science for innominate rights (see: [4, p. 166]).

² The Civil Code of Spain (1889). Available at: <https://pravo.hse.ru/intprilaw/doc/040601> (accessed 22.01.2020).

³ Private Law Research Center under the President of the Russian Federation named after S.S. Alekseev. Available at: <http://privlaw.ru/povestka-47/>

⁴ For example, a victim who is guilty of reckless damage to property that is a source of enhanced danger bears responsibility according to the general redress rule: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 424. of March 21, 2013. Access from the legal reference system ‘ConsultantPlus’ (accessed 20.12.2020); damage caused if the limits of justifiable defense have been exceeded or the measures required to detain the person who committed the crime have been exceeded is compensated for in accordance with general practice: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 19. of September 27, 2012. Access from the legal reference system ‘ConsultantPlus’ (accessed 20.12.2020).

не получили своего собственного определения – имени»¹.

В завершение вопроса о непоименованных субъективных правах заметим, что данная проблема в последнее время активно обсуждается не только цивилистами. Представители муниципального права регулярно обращаются к развитию идей о непоименованных правах с точки зрения урбанистических позиций и раскрывают содержание таких прав, как право на вид из окна и вид на море/озеро/реку, отмечая при этом важные для цивилистов суждения о том, что данные права необходимо соотносить с существующими вещными правами в гражданском праве [35]. Конституционалисты, обращаясь к зарубежному опыту, в частности Германии, отмечают выделение неписаных (от нем. – *ungeschriebene*) [76], неназванных (от нем. – *unbenannte*) или непоименованных основных правах (от нем. – *Innominant-Grundrechte*) [72], позволяющее «органам конституционного контроля защищать индивида от угроз, которые не охватываются уже существующими конституционными правами» [22]. Данные исследования, бесспорно, важны и для науки гражданского права, поскольку возникающие непоименованные публичные права, как правило, в той или иной степени проецируются и на гражданский оборот, порождая возникновение новых непоименованных субъективных гражданских прав.

Выводы

Рассмотрев основные признаки непоименованности, ее виды и особенности применительно к различным гражданско-правовым конструкциям, предлагаем определить непоименованность в гражданском праве как позитивное гражданско-правовое явление, детерминированное пробелами в праве, а также дополнительными условиями в виде конкретных действий участников гражданско-правовых отношений, квалифицированное правоприменительным органом в качестве допустимого или недопустимого в зависимости от избранной законодателем модели гражданско-правового регулирования.

¹ Так, примером безымянного деликта могут служить те внедоговорные обязательства, которые возникают из деликта, признанного совершенным в таких делах, как «Райлэндз против Флетчера» (*Rylands v. Fletcher*, 1866), «Уилкинсон против Даунтона» (*Wilkinson v. Downton*, 1897 г.) и др. (см. [18]).

Важным полагаем отметить, что анализ различных непоименованных явлений свидетельствует о том, что в российском правовом порядке преобладает запрещенная непоименованность, существенно сужающая границы частного усмотрения. Представляется, что по многим позициям требуется движение в сторону введения допускаемой, а впоследствии и разрешенной непоименованности.

Предложенные в работе классификации непоименованности, а также анализ отдельных видов непоименованных гражданско-правовых явлений, надеемся, послужат отправной точкой для дальнейшего изучения данного правового феномена, тем более, что поднятые вопросы, очевидно, не ограничиваются цивилистической наукой, поскольку проблема непоименованности носит межотраслевой характер.

Библиографический список

1. *Актуальные проблемы предпринимательского и корпоративного права в России и за рубежом*: сб. науч. ст. III Междунар. науч.-практ. конф. (25 апреля 2016 года, г. Москва) / под общ. ред. С. Д. Могилевского, М. А. Егоровой. М.: РАНХиГС при Президенте Российской Федерации. Юридический фак. им. М. М. Сперанского Института права и национальной безопасности. М.: Юстицинформ, 2016. 493 с.
2. *Анисимов А. П.* Права животных в российском и зарубежном праве // *Аграрное и земельное право*. 2016. № 1 (133). С. 103–108.
3. *Арбитражный процесс*: учебник. 7-е изд., перераб. и доп. / отв. ред. В. В. Ярков. М.: Статут, 2017. 752 с.
4. *Барина Е. А.* Вещные права в системе субъективных гражданских прав // *Актуальные проблемы гражданского права*: сб. ст. / под ред. О. Ю. Шиловцова. М.: Норма, 2003. Вып. 6. С. 137–174.
5. *Беспрозванный Д. Б.* Детерминация правовых предписаний // *Социально-политические науки*. 2012. № 2. С. 65–68.
6. *Брагинский М. И.* Основы учения о непоименованных (безымянных) и смешанных договорах. М.: Статут, 2007. 79 с.
7. *Булыгина М. А.* Мена имущественных прав // *Российский юридический журнал*. 2016. № 3. С. 161–173.
8. *Бунге М.* Причинность. Место принципа причинности в современной науке. М.: Изд-во иностр. лит., 1962. 512 с.

their own names although they were isolated as a result of legal claims»¹.

It is noteworthy that the issue of innominate property rights has been discussed not only by civil law researchers. Municipal law researchers regularly deal with the issue of innominate rights from urbanistic perspectives and analyze such rights as the right to a sea/lake view arguing that these rights have to correlate with existing property rights [35]. Referring to foreign, particularly, German experience, constitutionalists identify unwritten (German *ungeschriebene*) [76], unnamed (German *unbenannte*) or innominate fundamental rights (German *Innominant-Grundrechte*) [72], allowing ‘constitutional control bodies to protect an individual from threats that are not covered by existing constitutional rights’ [22]. These studies are undoubtedly important for civil law science, since innominate public rights are also projected on civil law, giving rise to new innominate civil rights.

Conclusions

An analysis of features and types of innominate civil law phenomena allows us to formulate the following definition: innominate civil law phenomena are positive civil law phenomena determined by gaps in law and specific actions of participants in civil law relations qualified by the law enforcement agencies as admissible or inadmissible depending on the civil law model chosen by the legislator.

¹ Innominate torts are non-contractual obligations that arise from torts recognized committed in such cases as *Rylands v. Fletcher* (1866), *Wilkinson v. Downton* (1897) et al. (See: [18]).

It is important to note that an analysis of innominate legal phenomena identified that in Russian law prohibited innominate legal phenomena are dominant. They narrow the boundaries of private discretion. Therefore, it is necessary to increase the number of admissible and authorized innominate phenomena in Russian civil law.

Classifications of innominate legal phenomena and an analysis of innominate phenomena types in civil law may serve as a starting point for further studies. The issue of innominate legal phenomena is relevant not only for civil law. It is of interdisciplinary nature.

References

1. *Aktual'nye problemy predprinimatel'skogo i korporativnogo prava v Rossii i za rubezhom: sbornik nauchnykh statej III Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii / pod red. S. D. Mogilevskogo, M. A. Egorovoj* [Current Problems of Business and Corporate Law in Russia and Abroad: Collection of Scientific Articles of the III International Scientific and Practical Conference; ed. by S. D. Mogilevskiy, M. A. Egorova]. Moscow, 2016. 493 p. (In Russ.).
2. *Anisimov A. P.* *Prava zhivotnykh v rossijskom i zarubezhnom prave* [The Rights of Animals in the Russian and Foreign Law]. *Agrarnoe i zemel'noe pravo – Agrarian and Land Law*. 2016. Issue 1. Pp. 103–108. (In Russ.).
3. *Arbitrazhnyj process: uchebnik / otv. red. V. V. Yarkov* [Commercial Proceedings: Textbook; ed. by V. V. Yarkov]. Moscow, 2017. 752 p. (In Russ.).
4. *Barinova E. A.* *Veshchnye prava v sisteme sub"ektivnykh grazhdanskikh prav* [Property Rights in the System of Civil Rights]. *Aktual'nye problemy grazhdanskogo prava: Sbornik statej* [Current Problems of Civil Law: Collection of Articles]. 2003. Issue 6. Pp. 137–174. (In Russ.).
5. *Besprozvannyj D. B.* *Determinaciya pravovykh predpisanij* [The Determination of the Legal Orders]. *Social'no-politicheskie nauki – Socio-Political Sciences*. 2012. Issue 2. Pp. 65–68. (In Russ.).
6. *Braginskij M.I.* *Osnovy ucheniya o nepoimenovannykh (bezymyannykh) i smeshannykh dogovorakh* [Fundamentals of the Doctrine of In-

9. Василевская Л. Ю. Цифровые права как новый объект гражданских прав: проблемы юридической квалификации // *Хозяйство и право*. 2019. № 5. С. 3–14.

10. Васильев В. В. Детерминизм в системе гражданского права Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2015. 60 с.

11. Ветер Н. Ю. Понятие, признаки и юридическая сущность обхода закона // *Власть Закона*. 2014. № 4. С. 175–185.

12. Гаврилов Е. В. Правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации о компенсации нематериального (репутационного) вреда юридическим лицам // *Российский судья*. 2018. № 7. С. 33–37.

13. Гаврилов Е. В. Принесение извинения как способ защиты чести, достоинства и деловой репутации // *Законодательство и экономика*. 2012. № 7. С. 16–21.

14. Горохов Д. Б., Горохова Ю. В. Животные и растения – субъекты права по законодательству Российской Федерации: констатация абсурда или научное открытие? // *Адвокат*. 2016. № 11. С. 5–20.

15. Груздев В. В. Дифференциация в гражданском праве // *Нотариус*. 2018. № 8. С. 8–12.

16. Гудков Д. В. Проблема квалификации отношений сторон до разрешения отлагательного условия // *Вестник гражданского права*. 2015. № 3. С. 7–56.

17. Даль В. Толковый словарь живаго великорускаго языка. URL: <https://www.slovardalja.net/word.php?wordid=28757> (дата обращения: 12.10.2019)

18. Деликтные обязательства и деликтная ответственность в английском, немецком и французском праве: учеб. пособие / М. А. Егорова, В. Г. Крылов, А. К. Романов; отв. ред. М. А. Егорова. М.: Юстицинформ, 2017. 376 с.

19. Демин А. В. Принцип определенности налогообложения: монография. М.: Статут, 2015. 368 с.

20. Договор как общеправовая ценность: монография / В. Р. Авхадеев, В. С. Асташова, Л. В. Андриченко и др. М.: ИЗиСП, Статут, 2018. 381 с.

21. Долганичев В. В. Возбуждение и подготовка дел группового производства. М.: Статут, 2017. 176 с.

22. Должиков А. В. «Рукописи не горят»: неписанные права в конституционном правосудии // *Сравнительное конституционное обозрение*. 2014. № 1. С. 120–137.

23. Жбанков М. А., Штыкова Н. Н. Соотношение вещно-правовых и специальных исков защиты прав на земельные участки (на примере судебной практики Владимирской области) // *Правовые вопросы недвижимости*. 2019. № 1. С. 26–30.

24. Завьялов А. А. Публичные сервитуты // *Имущественные отношения в Российской Федерации*. 2019. № 9. С. 92–99.

25. Каранетов А. Г. Расторжение нарушенного договора в российском и зарубежном праве. М.: Статут, 2007. 876 с.

26. Курсанова Е. Е. Возникновение новых объектов правовой защиты в условиях цифровой экономики // *Юрист*. 2018. № 11. С. 19–24.

27. Корпоративное право: учеб. курс / отв. ред. И. С. Шиткина. М.: Статут, 2018. Т. 2. 990 с.

28. Комиссарова Е. Г., Торкин Д. А. Непоименованные способы обеспечения обязательств в гражданском праве. М.: Аспект Пресс, 2008. 144 с.

29. Комиссарова Е. Г. Методологические аспекты научно-понятийного аппарата в цивилистике // *Методологические проблемы цивилистических исследований*. 2019. Т. 1, № 1. С. 197–216.

30. Комментарий к Федеральному закону от 26 марта 1998 г. № 41-ФЗ «О драгоценных металлах и драгоценных камнях» (постатейный) / Л. Л. Арзуманова, А. В. Лаптева, Д. О. Шнигер, М. А. Беляев, Слесарев С. А. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

31. Краснова Т. С. Сервитутные типы ограничений (обременений) прав на недвижимость: зарубежный опыт и новеллы российского законодательства // *Вестник экономического правосудия Российской Федерации*. 2015. № 1. С. 142–162.

32. Лазарев В. В. Пробелы в праве и пути их устранения. М.: Юрид. лит., 1974. 184 с.

33. Максимов В. А. Условия охраноспособности произведений в авторском праве // *Ленинградский юридический журнал*. 2017. № 3. С. 85–91.

34. Малышев К. Курс общего гражданского права России: в 4 т. СПб., 1878. Т. 1. 366 с.

35. Медведев И. Р. Разрешение городских конфликтов: монография. М.: Инфотропик Медиа, 2017. 372 с.

nominate and Mixed Contracts]. Moscow, 2007. 79 p. (In Russ.).

7. Bulygina M. A. *Mena imushchestvennykh prav* [An Exchange of the Property Rights]. *Rossiiskij juridicheskij zhurnal – Russian Juridical Journal*. 2016. Issue 3. Pp. 161–173. (In Russ.).

8. Bunge M. *Prichinnost'. Mesto principa prichinnosti v sovremennoj nauke* [Causality. The Place of the Causal Principle in Modern Science]. Moscow, 1962. 512 p. (In Russ.).

9. Vasilevskaya L. Yu. *Cifrovye prava kak novyy ob"ekt grazhdanskikh prav: problemy juridicheskoy kvalifikacii* [Digital Rights as a New Object of Civil Rights: Problems of Legal Qualification]. *Khozyajstvo i pravo – Business and Law*. 2019. Issue 5. Pp. 3–14. (In Russ.).

10. Vasil'ev V. V. *Determinizm v sisteme grazhdanskogo prava Rossijskoj Federacii: avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk* [Determinism in the Civil Law System of the Russian Federation: Synopsis of Dr. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2015. 60 p. (In Russ.).

11. Veter N. Yu. *Ponyatie, priznaki i juridicheskaya sushchnost' obkhoda zakona* [The Concept, Signs and Legal Nature of the Circumvention of Law]. *Vlast' Zakona – Power of Law*. 2014. Issue 4. Pp. 175–185. (In Russ.).

12. Gavrilov E. V. *Pravovaya poziciya Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii o kompensacii nematerial'nogo (reputacionnogo) vreda yuridicheskim licam* [The Legal Standing of the Constitutional Court of the Russian Federation with Regard to the Compensation for Non-Financial (Reputation) Damage to Legal Entities]. *Rossiiskij sud'ya – Russian Judge*. 2018. Issue 7. Pp. 33–37. (In Russ.).

13. Gavrilov E. V. *Prinesenie izvineniya kak sposob zashchity chesti, dostoinstva i delovoj reputacii* [Apologizing as a Way to Protect Honor, Dignity and Business Reputation]. *Zakonodatel'stvo i ekonomika – Legislation and Economy*. 2012. Issue 7. Pp. 16–21. (In Russ.).

14. Gorokhov D. B., Gorokhova Yu. V. *Zhivotnye i rasteniya – sub"ekty prava po zakonodatel'stvu Rossijskoj Federacii: konstataciya absurda ili nauchnoe otkrytie?* [Animals and Plants – Subjects of the Law According to the Legislation of the Russian Federation: the Statement of Absurdity or the Scientific Discovery?]. *Advokat – Lawyer*. 2016. Issue 11. Pp. 5–20. (In Russ.).

15. Gruzdev V. V. *Differenciaciya v grazhdanskom prave* [Differentiation in Civil Law]. No-

tarius Notary2018Issu8Pp8–12. (In Russ.).

16. Gudkov D. V. *Problema kvalifikacii otnoshenij storon do razresheniya otlagatel'nogo usloviya* [Legal Qualification of Parties' Relations during Pendency of a Suspensive Condition] *Vestnik grazhdanskogo prava – Civil Law Review*. 2015. Issue 3. Pp. 7–56. (In Russ.).

17. Dal' V. *Tolkovyy slovar' zhivago velikoruskago yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Available at: <https://www.slovardalja.net/word.php?wordid=28757> (accessed 22.01.2020). (In Russ.).

18. Egorova M. A., Krylov V. G., Romanov A. K. *Deliktnye obyazatel'stva i delikt'naya otvetstvennost' v anglijskom, nemeckom i francuzskom prave: uchebnoe posobie / отв. ред. М. А. Егорова* [Tort Obligations and Tort Liability in the English, German and French Law: Tutorial; ed. by M. A. Egorova]. Moscow, 2017. 376 p. (In Russ.).

19. Demin A. V. *Princip opredelennosti nalogooblozheniya: monografiya* [The Principle of Taxation Certainty: Monograph]. Moscow, 2015. 368 p. (In Russ.).

20. Avkhadeev V. R., Astashova V. S., Andrichenko L. V. et al. *Dogovor kak obshchepравovaya cennost': monografiya* [Agreement as a Legal Value: Monograph]. Moscow, 2018. 381 p. (In Russ.).

21. Dolganichev V. V. *Vozbuzhdenie i podgotovka del gruppovogo proizvodstva* [Institution and Preparation of Group Proceedings]. Moscow, 2017. 176 p. (In Russ.).

22. Dolzhikov A. V. *“Rukopisi ne goryat”: nepisanye prava v konstitucionnom pravosudii* [“Manuscripts Don't Burn”: Unwritten Rights in Constitutional Adjudication]. *Sravnitel'noe konstitucionnoe obozrenie – Comparative Constitutional Review*. 2014. Issue 1. Pp. 120–137. (In Russ.).

23. Zhabankov M. A., Shtykova N. N. *Sootnoshenie veshchno-pravovykh i special'nykh iskov zashchity prav na zemel'nye uchastki (na primere sudebnoj praktiki Vladimirskoj oblasti)* [The Correlation between Proprietary and Special Claims for Protection of Title to Land Plots (on the Example of Case Law of the Vladimir Region)]. *Pravovye voprosy nedvizhimosti – Legal Issues of Real Estate*. 2019. Issue 1. Pp. 26–30. (In Russ.).

24. Zav'yalov A. A. *“Publichnye” servituty* [“Public” Servitudes]. *Imushchestvennye otnosheniya v Rossijskoj Federacii – Property Relations in the Russian Federation*. 2019. Issue 9. Pp. 92–99. (In Russ.).

36. Менглиев Ш. Имущественные права как объект права и правоотношения. URL: <http://law.edu.ru/doc/document.asp?docID=123494>.
37. Метельская В. В., Шевцов С. Г. Сервитуты в системе вещных прав. Краснодар: Советская Кубань, 2009. 158 с.
38. Овчинников С. Н. Принцип детерминизма в методологии правоведения // Правоведение. 1984. № 2. С. 35–39.
39. Общая теория государства и права: акад. курс; в 3 т. / отв. ред. М. Н. Марченко. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2007. Т. 2: Право. 816 с.
40. Панасюк О. С. Пробелы в праве и способы их преодоления и устранения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2012. 21 с.
41. Перфильева В. Споры вокруг статуса места под парковку // Жилищное право. 2016. № 11. С. 53–56.
42. Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части второй: в 3 т. / под ред. П. В. Крашенинникова. М.: Статут, 2011. Т. 3. 533 с.
43. Рогалева М. А. Алгоритм квалификации гражданских дел (на примере защиты прав инвесторов в сфере рынка ценных бумаг). М.: Статут, 2018. 204 с.
44. Свит Ю. П. Распоряжение правом требования о привлечении к субсидиарной ответственности // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 7. С. 37–41.
45. Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153–208 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2018. 1264 с.
46. Семенов В. В. Преимущественное право покупки имущества как способ защиты имущественных интересов // Юрист. 2015. № 19. С. 23–26.
47. Семенов В. В. Способы защиты гражданских прав в контексте Конституции и Гражданского кодекса // Адвокатская практика. 2018. № 4. С. 21–23.
48. Сеницын С. А. Вещь как объект гражданских прав: возможные и должные критерии идентификации // Законодательство и экономика. 2016. № 11. С. 7–17.
49. Спектор Е. И. Пробелы в законодательстве и пути их преодоления: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 127 с.
50. Спиркин А. Г. Философия: учебник. М.: Гардарики, 2000. 368 с.

51. Суслова С. И. Непоименованность в гражданском праве: к постановке вопроса // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2018. Т. 160, кн. 2. С. 404–414.
52. Суханов Е. А. Вещное право: Научно-познавательный очерк. М.: Статут, 2017. 559 с.
53. Теория государства и права: курс лекций / А. Г. Бережнов, Е. Г. Воротилин, О. Э. Лейст, П. Ф. Лунгу и др.; под ред. М. Н. Марченко. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Зерцало, ТЕИС, 1996. 475 с.
54. Уранский Ф. Р. К вопросу о понятии и видах пробелов в праве // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2005. № 5. С. 111–121.
55. Уранский Ф. Р. Пробелы в праве и способы их восполнения в правоприменительной деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 192 с.
56. Филиппова С. К вопросу о понятии, составе и структуре уставного капитала хозяйственного общества // Хозяйство и право. 2018. № 11. С. 35–52.
57. Фомина Л. А. Пробелы в гражданском праве России: понятие, сущность, способы преодоления: монография. Волгоград: Волгогр. науч. изд-во, 2008. 169 с.
58. Хликова О. Г. Доля в праве общей долевой собственности на жилые помещения как объект гражданских и жилищных прав // Пролог: журнал о праве. 2017. № 4. С. 13–16.
59. Чашкова С. Ю. Свобода формирования условий договора о суррогатном материнстве как нетипичной договорной конструкции // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 2. С. 58–64.
60. Червяков К. К. Факт признания отцовства и его значение для возникновения родительского правоотношения // Советское государство и право. 1973. № 5. С. 112–115.
61. Шевцов О. С. Некоторые аспекты понятия имущества как объекта гражданских прав // Ленинградский юридический журнал. 2015. № 4. С. 121–128.
62. Шевцов С. Г. Усмотрение и причинно-следственные связи в гражданском праве // Современное право. 2012. № 3. С. 78–81.
63. Шелютто М. Л. Проблемы совершенствования гражданского законодательства. Обзор IV Ежегодных научных чтений, посвященных памяти профессора С. Н. Братуся // Журнал российского права. 2010. № 1. С. 144–153.

25. Karapetov A. G. Rastorzhenie narushennogo dogovora v rossijskom i zarubezhnom prave [Termination of a Breached Contract in Russian and Foreign Law]. Moscow, 2007. 876 p. (In Russ.).
26. Kirsanova E. E. Vozniknovenie novykh ob'ektov pravovoj zashchity v usloviyakh cifrovoy ekonomiki [Origination of New Legal Protection Objects in Conditions of the Digital Economy]. *Yurist – Jurist*. 2018. Issue 11. Pp. 19–24. (In Russ.).
27. Korporativnoe pravo: uchebnyj kurs / otv. red. I. S. Shitkina [Corporate Law: Training Course; ed. by I.S. Shitkina]. Moscow, 2018. Vol. 2. 990 p. (In Russ.).
28. Komissarova E. G., Torkin D. A. Nepoiimenovannyye sposoby obespecheniya obyazatel'stv v grazhdanskom prave [Innominate Methods of Securing Obligations in Civil Law]. Moscow, 2008. 144 p. (In Russ.).
29. Komissarova E. G. Metodologicheskie aspekty nauchno-ponyatijnogo apparata v civilistike [Methodological Aspects of Scientific Concepts Formation in Civil Science]. *Metodologicheskie problemy civilisticheskikh issledovanij – Methodological Problems of the Civil Researches*. 2019. Vol. 1. Issue 1. Pp. 197–216. (In Russ.).
30. Arzumanova L. L., Lapteva A. V., Shniger D. O., Belyaev M. A., Slesarev S. A. Kommentarij k Federal'nomu zakonu ot 26 marta 1998 g. № 41-FZ "O dragocennykh metallakh i dragocennykh kamnyakh" (postatejnyj) [Commentary on the Federal Law No. 41-FZ 'On Precious Metals and Precious Stones' of March 26, 1998 (Itemized)]. 2018. (In Russ.).
31. Krasnova T. S. Servitutnye tipy ograničenij (obremenenij) prav na nedvizhimost': zarubezhnyj opyt i novelly rossijskogo zakonodatel'stva [Servitude Types: Foreign Experience and Draft Amendments to Russian Legislation]. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossijskoj Federacii – Herald of Economic Justice*. 2015. Issue 1. Pp. 142–162. (In Russ.).
32. Lazarev V. V. Probely v prave i puti ikh ustraneniya [Gaps in Law and Ways to Eliminate Them]. Moscow, 1974. 184 p. (In Russ.).
33. Maksimov V. A. Usloviya okhranosobnosti proizvedenij v avtorskom prave [Conditions of Protectability of Works in Copyright]. *Leningradskij juridicheskij zhurnal – Leningradskiy Juridical Journal*. 2017. Issue 3. Pp. 85–91. (In Russ.).
34. Malyshev K. Kurs obshchego grazhdanskogo prava Rossii: v 4 t. [The Course of General

- Civil Law of Russia: in 4 vols.]. St. Petersburg, 1878. Vol. 1. 366 p. (In Russ.).
35. Medvedev I. R. Razreshenie gorodskikh konfliktov [Urban Conflicts Resolution]. Moscow, 2017. 372 p. (In Russ.).
36. Mengliev Sh. Imushchestvennye prava kak ob'ekt prava i pravootnosheniya [Property Rights as an Object of Law and Legal Relations]. Available at: <http://law.edu.ru/doc/document.asp?docID=123494>. (In Russ.).
37. Metel'skaya V. V., Shevcov S. G. Servituty v sisteme veshchnykh prav [Servitudes in the System of Property Rights]. Krasnodar, 2009. 158 p. (In Russ.).
38. Ovchinnikov S. N. Princip determinizma v metodologii pravovedeniya [The Principle of Determinism in the Methodology of Law Science]. *Pravovedenie – Pravovedenie*. 1984. Issue 2. Pp. 35–39. (In Russ.).
39. Obshchaya teoriya gosudarstva i prava. Akademicheskij kurs v trekh tomakh / otv. red. M. N. Marchenko [General Theory of State and Law. Academic Course in Three Volumes; ed. by M. N. Marchenko]. Moscow, 2007. Vol. 2. Pravo [Law]. 816 p. (In Russ.).
40. Panasyuk O. S. Probely v prave i sposoby ikh preodoleniya i ustraneniya: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk [Gaps in Law and Ways to Overcome and Eliminate Them: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Stavropol, 2012. 21 p. (In Russ.).
41. Perfil'eva V. Spory vokrug statusa mesta pod parkovku [Disputes over the Status of a Parking Space]. *Zhilishchnoe pravo – Housing Law*. 2016. Issue 11. Pp. 53–56. (In Russ.).
42. Postatejnyj kommentarij k Grazhdanskomu kodeksu Rossijskoj Federacii, chasti vtoroj: v 3 t. / pod red. P. V. Krasheninnikova [Article-by-Article Commentary on the Civil Code of the Russian Federation, Part Two: in 3 vols.; ed. by P. V. Krasheninnikov]. Moscow, 2011. Vol. 3. 533 p. (In Russ.).
43. Rogaleva M. A. Algoritm kvalifikacii grazhdanskikh del (na primere zashchity prav investorov v sfere rynka cennykh bumag) [Algorithm for Qualifying Civil Cases (a Case Study of Protecting the Rights of Investors in the Securities Market)]. Moscow, 2018. 204 p. (In Russ.).
44. Svit Yu. P. Rasporyazhenie pravom trebuvaniya o privlechenii k subsidiarnoj otvetstvennosti [Disposal of the Right to Claim Subsidiary Liability]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika – Laws of*

64. Яковлев А. С. Имущественные права как объекты гражданских правоотношений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2003. 25 с.

65. Akkermans B. The New Dutch Civil Code: the Borderline between Property and Contract // Towards a Unified System of Land Burdens / ed. by S. van Erp and B. Akkermans. Antwerp-Oxford: Intersentia, 2006. Pp. 163–183.

66. Canaris C.-W. Die Feststellung von Lücken im Gesetz: eine methodologische Studie über Voraussetzungen und Grenzen der richterlichen Rechtsfortbildung praeter legem. Duncker & Humblot, 1964. 219 S.

67. Cuellar M. Causal Reasoning and Data Analysis in the Law: Definition, Estimation, and Usage of the Probability of Causation // SSRN Electronic Journal. 2018. January. DOI: 10.2139/ssrn.3188098.

68. Favre D. Living Property: a New Status for Animals within the Legal System // Marquette Law Review. 2010. Vol. 93, Issue 3.

69. Favre D. Equitable Self-Ownership for Animals // Duke Law Journal. 2000. Vol. 50, № 2. Pp. 473–502.

70. Keller A. Die Kritik. Korrektur und Interpretation des Gesetzeswortlautes, Winterthur, 1960. 305 S.

71. Kyritsis D. Interpreting Legislative Intent // SSRN Electronic Journal. 2018. 4 Sept. DOI: 10.2139/ssrn.3243732.

72. Manssen G. Staatsrecht II: Grundrechte. 9 aufl. München: C. H. Beck, 2012. 277 p.

73. Мельниченко П. С. Проблеми застосування судом непоіменований способів захисту цивільних прав та інтересів // Молодий вчений. 2015. № 8 (23). С. 99–102.

74. Oman N. B. Private Law and Local Custom (October 11, 2019) in Oxford Handbook of New Private Law Theory // SSRN Electronic Journal. 2019. 22 Oct. DOI: 10.2139/ssrn.3468516.

75. Preuß N. Digitaler Nachlass – Vererbbarkeit eines Kontos bei einem sozialen Netzwerk // Neue Juristische Wochenschrift. 2018. Heft 43.

76. Rupp H. H. Ungeschriebene Grundrechte unter dem Grundgesetz // Juristen Zeitung. 2005. 60. Jg. H. 4. S. 157–160.

77. Reyes C. L., Rosario N. M., Cannon R. M., Tall R. Panel I: Blockchain and the Law // The John Marshall Journal of Information Technology & Privacy Law. 2019. Vol. 34, Issue 1.

78. Shavell S. The Mistaken Restriction of Strict Liability to Uncommon Activities // The Journal of Legal Analysis, Forthcoming. 2018. 12 Dec. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=3298135>.

79. Shavell S. On the Redesign of Accident Liability for the World of Autonomous Vehicles // Harvard Law School John M. Olin Center Discussion. Paper 1014. Available at: SSRN: <https://ssrn.com/abstract=3437474>.

80. Shyam G. Is The Classification Of Animals As Property Consistent With Modern Community Attitudes? // UNSW Law Journal. 2018. Vol. 41(4). Pp. 1418–1444.

81. Shyam G. The Legal Status of Animals: The World Rethinks Its Position // Alternative Law Journal. 2015. Issue 4 (40). Pp. 266–270. DOI: 10.1177/1037969X1504000411.

82. Тарнавська М. І. Вибір способу захисту цивільного права та інтересу: практичний аспект // Митна справа. 2014. Issue 4 (94).

83. Walter A. Bitcoin, Libra und sonstige Kryptowährungen aus zivilrechtlicher Sicht // Neue Juristische Wochenschrift. 2019. Heft 50.

84. Zitelmann E. Lücken im Recht. Leipzig: Verlag von Duncker & Humblot, 1903. 46 S.

References

1. Aktual'nye problemy predprinimatel'skogo i korporativnogo prava v Rossii i za rubezhom: sbornik nauchnykh statej III Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii / pod red. S. D. Mogilevskogo, M. A. Egorovoj [Current Problems of Business and Corporate Law in Russia and Abroad: Collection of Scientific Articles of the III International Scientific and Practical Conference; ed. by S. D. Mogilevskiy, M. A. Egorova]. Moscow, 2016. 493 p. (In Russ.).

2. Anisimov A. P. Prava zivotnykh v rossijskom i zarubezhnom prave [The Rights of Animals in the Russian and Foreign Law]. Agrarnoe i zemel'noe pravo – Agrarian and Land Law. 2016. Issue 1. Pp. 103–108. (In Russ.).

3. Arbitrazhnyj process: uchebnyk / otv. red. V. V. Yarkov [Commercial Proceedings: Textbook; ed. by V. V. Yarkov]. Moscow, 2017. 752 p. (In Russ.).

4. Barinova E. A. Veshchnye prava v sisteme sub"ektivnykh grazhdanskikh prav [Property Rights in the System of Civil Rights]. Aktual'nye problemy grazhdanskogo prava: Sbornik statej

Russia: Experience, Analysis, Practice. 2018. Issue 7. Pp. 37–41. (In Russ.).

45. Sdelki, predstavitel'stvo, iskovaya davnost': Postatejnyj kommentarij k stat'yam 153–208 Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii / otv. red. A. G. Karapetov [Transactions, Representation, Limitation: Article-by-Article Commentary on Articles 153–208 of the Civil Code of the Russian Federation; ed. A. G. Karapetov]. Moscow, 2018. 1264 p. (In Russ.).

46. Semenov V. V. Preimushchestvennoe pravo pokupki imushchestva kak sposob zashchity imushchestvennykh interesov [Preferential Right to Purchase Property as a Method of Property Interest Protection]. Yurist – Jurist. 2015. Issue 19. Pp. 23–26. (In Russ.).

47. Semenov V. V. Sposoby zashchity grazhdanskikh prav v kontekste Konstitucii i Grazhdanskogo kodeksa [Civil Rights Protection Means within the Framework of the Constitution and the Civil Code]. Advokatskaya praktika – Advocate's Practice. 2018. Issue 4. Pp. 21–23. (In Russ.).

48. Sinicyn S. A. Veshch' kak ob"ekt grazhdanskikh prav: vozmozhnye i dolzhnye kriterii identifikacii [A Thing as an Object of Civil Rights: Possible and Proper Identification Criteria]. Zakonodatel'stvo i ekonomika – Legislation and Economy. 2016. Issue 11. Pp. 7–17. (In Russ.).

49. Spektor E. I. Probely v zakonodatel'stve i puti ikh preodoleniya: dis. ... kand. jurid. nauk [Gaps in Legislation and Ways to Overcome Them: Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2003. 127 p. (In Russ.).

50. Spirkin A. G. Filosofiya: uchebnyk [Philosophy: Textbook]. Moscow, 2000. 368 p. (In Russ.).

51. Suslova S. I. Nepoimenovannost' v grazhdanskom prave: k postanovke voprosa [On the Problem of the 'Unnamed' in Civil Law]. Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki. 2018. Vol. 160. Issue 2. Pp. 404–414. (In Russ.).

52. Sukhanov E. A. Veshchnoe pravo: Nauchno-poznavatel'nyj ocherk [Property Law: Scientific and Educational Essay]. Moscow, 2017. 559 p. (In Russ.).

53. Teoriya gosudarstva i prava. Kurs lekcij / Berezhnov A. G., Vorotilin E. G., Lejst O. E., Lungu P. F. i dr. / pod red. M. N. Marchenko. 2-e izd. [Theory of State and Law. Lecture Course; A. G. Berezhnov, E. G. Vorotilin, O. E. Lejst, P. F. Lungu et al.; ed. by M. N. Marchenko. 2nd ed.]. Moscow, 1996. 475 p. (In Russ.).

54. Uranskij F. R. K voprosu o ponyatii i vidakh probelov v prave [On the Concept and Types of Gaps in Law]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seria 11. Pravo – The Moscow University Herald. Series 11. Law. 2005. Issue 5. Pp. 111–121. (In Russ.).

55. Uranskij F. R. Probely v prave i sposoby ikh vospolneniya v pravoprimeritel'noj deyatelnosti: dis. ... kand. jurid. nauk [Gaps in Law and Ways to Fill Them in Law Enforcement: Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2005. 192 p. (In Russ.).

56. Filippova S. K voprosu o ponyatii, sostave i strukture ustavnogo kapitala khozyajstvennogo obshchestva [On the Concept, Composition and Structure of the Authorized Capital of a Business Company]. Khozyajstvo i pravo – Business and Law. 2018. Issue 11. Pp. 35–52. (In Russ.).

57. Fomina L. A. Probely v grazhdanskom prave Rossii: ponyatie, sushchnost', sposoby preodoleniya: monografiya [Gaps in the Civil Law of Russia: Concept, Essence, Methods of Overcoming: Monograph]. Volgograd, 2008. 169 p. (In Russ.).

58. Khlikova O. G. Dolya v prave obshchej dolevoj sobstvennosti na zhilye pomeshcheniya kak ob"ekt grazhdanskikh i zhilishchnykh prav [A Share in the Right of Shared Own Property to Residential Areas as an Object of Civil and Housing Rights]. Prolog: zhurnal o prave – Prologue: Law Journal. 2017. Issue 4. Pp. 13–16. DOI: 10.21639 / 2313-6715.2017.4.3. (In Russ.).

59. Chashkova S. Yu. Svoboda formirovaniya uslovij dogovora o surrogatnom materinstve kak netipichnoj dogovornoj konstrukcii [Freedom to Formulate the Terms of a Surrogacy Agreement as an Atypical Contractual Design]. Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika – Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice. 2016. Issue 2. Pp. 58–64. (In Russ.).

60. Chervyakov K. K. Fakt priznaniya otcovstva i ego znachenie dlya vzniknoveniya roditel'skogo pravootnosheniya [The Fact of Recognition of Paternity and Its Significance for the Emergence of Parental Legal Relationship]. Sovetskoe gosudarstvo i pravo – Soviet State and Law. 1973. Issue 5. Pp. 112–115. (In Russ.).

61. Shevciv O. S. Nekotorye aspekty ponyatiya imushchestva kak ob"ekta grazhdanskikh prav [Some Aspects of the Concept of Property as an Object of Civil Rights]. Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningradskiy Juridical Journal. 2015. Issue 4. Pp. 121–128. (In Russ.).

62. Shevcov S. G. Usmotrenie i prichinnosledstvennyye svyazi v grazhdanskom prave [Discretion and the Causal Relationship in Civil Law]. Sovremennoe pravo – Modern Law. 2012. Issue 3. Pp. 78–81. (In Russ.).

[Current Problems of Civil Law: Collection of Articles]. 2003. Issue 6. Pp. 137–174. (In Russ.).

5. *Besprozvannyj D. B. Determinaciya pravovykh predpisaniy* [The Determination of the Legal Orders]. *Social'no-politicheskie nauki – Socio-Political Sciences*. 2012. Issue 2. Pp. 65–68. (In Russ.).

6. *Braginskij M. I. Osnovy ucheniya o nepoimenovannykh (bezymyannykh) i smeshannykh dogovorakh* [Fundamentals of the Doctrine of Innominate and Mixed Contracts]. Moscow, 2007. 79 p. (In Russ.).

7. *Bulygina M. A. Mena imushchestvennykh prav* [An Exchange of the Property Rights]. *Rossiyskij yuridicheskij zhurnal – Russian Juridical Journal*. 2016. Issue 3. Pp. 161–173. (In Russ.).

8. *Bunge M. Prichinnost' . Mesto principa prichinnosti v sovremennoj nauke* [Causality. The Place of the Causal Principle in Modern Science]. Moscow, 1962. 512 p. (In Russ.).

9. *Vasilevskaya L. Yu. Cifrovye prava kak novyy ob"ekt grazhdanskikh prav: problemy yuridicheskoy kvalifikacii* [Digital Rights as a New Object of Civil Rights: Problems of Legal Qualification]. *Khozyajstvo i pravo – Business and Law*. 2019. Issue 5. Pp. 3–14. (In Russ.).

10. *Vasil'ev V. V. Determinizm v sisteme grazhdanskogo prava Rossijskoj Federacii: avto-ref. dis. ... d-ra jurid. nauk* [Determinism in the Civil Law System of the Russian Federation: Synopsis of Dr. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2015. 60 p. (In Russ.).

11. *Veter N.Yu. Ponyatie, priznaki i yuridicheskaya sushchnost' obkhoda zakona* [The Concept, Signs and Legal Nature of the Circumvention of Law]. *Vlast' Zakona – Power of Law*. 2014. Issue 4. Pp. 175–185. (In Russ.).

12. *Gavrilov E. V. Pravovaya poziciya Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii o kompensacii nematerial'nogo (reputacionnogo) vreda yuridicheskim licam* [The Legal Standing of the Constitutional Court of the Russian Federation with Regard to the Compensation for Non-Financial (Reputation) Damage to Legal Entities]. *Rossiyskij sud'ya – Russian Judge*. 2018. Issue 7. Pp. 33–37. (In Russ.).

13. *Gavrilov E. V. Prinesenie izvineniya kak sposob zashchity chesti, dostoinstva i delovoj reputacii* [Apologizing as a Way to Protect Honor, Dignity and Business Reputation]. *Zakonodatel'stvo i ekonomika – Legislation and Economy*. 2012. Issue 7. Pp. 16–21. (In Russ.).

14. *Gorokhov D. B., Gorokhova Yu. V. Zhivotnye i rasteniya – sub"ekty prava po zakonodatel'stvu Rossijskoj Federacii: konstataciya absurda ili nauchnoe otkrytie?* [Animals and Plants - Subjects of the Law According to the Legislation of the Russian Federation: the Statement of Absurdity or the Scientific Discovery?]. *Advokat – Lawyer*. 2016. Issue 11. Pp. 5–20. (In Russ.).

15. *Gruzdev V. V. Differenciaciya v grazhdanskom prave* [Differentiation in Civil Law]. *Notarius – Notary*. 2018. Issue 8. Pp. 8–12. (In Russ.).

16. *Gudkov D. V. Problema kvalifikacii otnoshenij storon do razresheniya otlagatel'nogo usloviya* [Legal Qualification of Parties' Relations during Pendency of a Suspensive Condition]. *Vestnik grazhdanskogo prava – Civil Law Review*. 2015. Issue 3. Pp. 7–56. (In Russ.).

17. *Dal' V. Tolkovyj slovar' zhivago velikoruskago yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Available at: <https://www.slovardalja.net/word.php?wordid=28757> (accessed 22.01.2020). (In Russ.).

18. *Egorova M. A., Krylov V. G., Romanov A. K. Deliktnye obyazatel'stva i deliktная otvetstvennost' v anglijskom, nemeckom i francuzskom prave: uchebnoe posobie / otv. red. M. A. Egorova* [Tort Obligations and Tort Liability in the English, German and French Law: Tutorial; ed. by M.A. Egorova]. Moscow, 2017. 376 p. (In Russ.).

19. *Demin A. V. Princip opredelenosti nalogoblozheniya: monografiya* [The Principle of Taxation Certainty: Monograph]. Moscow, 2015. 368 p. (In Russ.).

20. *Avkhadeev V. R., Astashova V. S., Andrichenko L. V. et al. Dogovor kak obshchepравovaya cennost': monografiya* [Agreement as a Legal Value: Monograph]. Moscow, 2018. 381 p. (In Russ.).

21. *Dolganichev V. V. Vozbuzhdenie i podgotovka del gruppovogo proizvodstva* [Institution and Preparation of Group Proceedings]. Moscow, 2017. 176 p. (In Russ.).

22. *Dolzhiykov A. V. "Rukopisi ne goryat": nepisanye prava v konstitucionnom pravosudii* [‘Manuscripts Don't Burn’: Unwritten Rights in Constitutional Adjudication]. *Sravnitel'noe konstitucionnoe obozrenie – Comparative Constitutional Review*. 2014. Issue 1. Pp. 120–137. (In Russ.).

23. *Zhbankov M. A., Shtykova N. N. Sootnoshenie veshchno-pravovykh i special'nykh iskov zashchity prav na zemel'nye uchastki (na primere sudebnoj praktiki Vladimirskoj oblasti)* [The Cor-

63. *Shelyutto M. L. Problemy sovershenstvovaniya grazhdanskogo zakonodatel'stva. Obzor IV Ezhegodnykh nauchnykh chtenij, posvyashchennykh pamyati professora S. N. Bratusya* [Problems of Enhancement of Civil Legislation. Overview of the IV Annual Conference Devoted to the Memory of Professor S. N. Bratus]. *Zhurnal rossijskogo prava – Journal of Russian Law*. 2010. Issue 1. Pp. 144–153. (In Russ.).

64. *Yakovlev A. S. Imushchestvennye prava kak ob"ekty grazhdanskikh pravootnoshenij: avto-ref. dis. ... kand. jurid. nauk* [Property Rights as Objects of Civil Legal Relations: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Voronezh, 2003. 25 p. (In Russ.).

65. *Akkermans B. The New Dutch Civil Code: the Borderline between Property and Contract. Towards a Unified System of Land Burdens*; ed. by S. van Erp and B. Akkermans. Antwerp-Oxford, 2006. Pp. 163–183. (In Eng.).

66. *Canaris C.-W. Die Feststellung von Lücken im Gesetz: eine methodologische Studie über Voraussetzungen und Grenzen der richterlichen Rechtsfortbildung praeter legem*. Berlin: Duncker & Humblot, 1964. 219 p. (In Germ.).

67. *Cuellar M. Causal Reasoning and Data Analysis in the Law: Definition, Estimation, and Usage of the Probability of Causation*. SSRN Electronic Journal. January 2018. DOI: 10.2139/ssrn.3188098. (In Eng.).

68. *Favre D. Living Property: A New Status for Animals within the Legal System*. *Marquette Law Review*. 2010. Vol. 93. Issue 3. (In Eng.).

69. *Favre D. Equitable Self-Ownership for Animals*. *Duke Law Journal*. 2000. Vol. 50. Issue 2. Pp. 473–502. (In Eng.).

70. *Keller A. Die Kritik, Korrektur und Interpretation des Gesetzeswortlautes*. Winterthur, 1960. 305 p. (In Eng.).

71. *Kyritsis D. Interpreting Legislative Intent*. SSRN Electronic Journal. September 4, 2018. DOI: 10.2139/ssrn.3243732. (In Eng.).

72. *Manssen G. Staatsrecht II: Grundrechte*. Munich, 2012. 277 p. (In Germ.).

73. *Mel'nichenko R. S. Problemi zastosuvannya sudom nepoimenovanykh sposobiv zakhistu tsivil'nykh prav ta interesiv* [Problems of Application of the Unnamed Methods of Protection of the Civil Rights and Interests by the Court]. *Molodii vchenii – Young Scientist*. 2015. Issue 8. Pp. 99–102. (In Ukr.).

74. *Oman N. B. 'Private Law and Local Custom'*, in *Oxford Handbook of New Private Law Theory* (Henry Smith et al eds. Forthcoming).

SSRN Electronic Journal. October 22, 2019. DOI: 10.2139/ssrn.3468516. (In Eng.).

75. *Preuß N. Digitaler Nachlass – Vererbbarkeit eines Kontos bei einem sozialen Netzwerk*. *Neue Juristische Wochenschrift*. 2018. Heft 43. (In Germ.).

76. *Rupp H. H. Ungeschriebene Grundrechte unter dem Grundgesetz*. *Juristen Zeitung*. 2005. 60. Jg. H. 4. Pp. 157–160. (In Germ.).

77. *Reyes C. L., Rosario N. M., Cannon R. M., Tall R. Panel I: Blockchain and the Law*. *The John Marshall Journal of Information Technology & Privacy Law*. 2019. Vol. 34. Issue 1. (In Eng.).

78. *Shavell S. The Mistaken Restriction of Strict Liability to Uncommon Activities*. *The Journal of Legal Analysis*, Forthcoming. Available at: <https://ssrn.com/abstract=3298135>. (In Eng.).

79. *Shavell S. On the Redesign of Accident Liability for the World of Autonomous Vehicles*. *Harvard Law School John M. Olin Center Discussion Paper No. 1014*. Available at: <https://ssrn.com/abstract=3437474>. (In Eng.).

80. *Shyam G. Is the Classification of Animals as Property Consistent with Modern Community Attitudes?* *UNSW Law Journal*. 2018. Vol. 41(4). Pp. 1418–1444. (In Eng.).

81. *Shyam G. The Legal Status of Animals: The World Rethinks Its Position*. *Alternative Law Journal*. 2015. Issue 4 (40). Pp. 266–270. DOI: 10.1177/1037969X1504000411. (In Eng.).

82. *Tarnavs'ka M. I. Vibir sposobu zakhistu tsivil'nogo prava ta interesu: praktichniy aspekt* [Choosing a Way to Protect Civil Rights and Interests: Practical Aspect]. *Mitna sprava – Customs*. 2014. Issue 4 (94). (In Ukr.).

83. *Walter A. Bitcoin, Libra und sonstige Kryptowährungen aus zivilrechtlicher Sicht*. *Neue Juristische Wochenschrift*. 2019. Issue 50. (In Germ.).

84. *Zitelmann E. Lücken im Recht*. Leipzig, 1903. 46 p. (In Germ.).

References in Russian

1. *Актуальные проблемы предпринимательского и корпоративного права в России и за рубежом: сб. науч. ст. III Междунар. науч.-практ. конф. (25 апреля 2016 года, г. Москва)* / под общ. ред. С. Д. Могилевского, М. А. Егоровой. М.: РАНХиГС при Президенте Российской Федерации. Юридический фак. им. М. М. Сперанского Института права и национальной безопасности. М.: Юстицинформ, 2016. 493 с.

relation between Proprietary and Special Claims for Protection of Title to Land Plots (on the Example of Case Law of the Vladimir Region)]. *Pravovye voprosy nedvizhimosti* – Legal Issues of Real Estate. 2019. Issue 1. Pp. 26–30. (In Russ.).

24. *Zav'yalov A. A.* "Publicnye" servituty ['Public' Servitudes]. *Imushchestvennye otnosheniya v Rossijskoj Federacii* – Property Relations in the Russian Federation. 2019. Issue 9. Pp. 92–99. (In Russ.).

25. *Karapetov A. G.* *Rastorzhenie narushennogo dogovora v rossijskom i zarubezhnom prave* [Termination of a Breached Contract in Russian and Foreign Law]. Moscow, 2007. 876 p. (In Russ.).

26. *Kirsanova E. E.* *Vozniknovenie novykh ob'ektov pravovoj zashchity v usloviyakh cifrovoj ekonomiki* [Origination of New Legal Protection Objects in Conditions of the Digital Economy]. *Yurist* – Jurist. 2018. Issue 11. Pp. 19–24. (In Russ.).

27. *Korporativnoe pravo: uchebnyj kurs / otv. red. I. S. Shitkina* [Corporate Law: Training Course; ed. by I.S. Shitkina]. Moscow, 2018. Vol. 2. 990 p. (In Russ.).

28. *Komissarova E. G., Torkin D. A.* *Nepoiimenovannye sposoby obespecheniya obyazatel'stv v grazhdanskom prave* [Innominate Methods of Securing Obligations in Civil Law]. Moscow, 2008. 144 p. (In Russ.).

29. *Komissarova E. G.* *Metodologicheskie aspekty nauchno-ponyatijnogo apparata v civilistike* [Methodological Aspects of Scientific Concepts Formation in Civil Science]. *Metodologicheskie problemy civilisticheskikh issledovanij* – Methodological Problems of the Civil Researches. 2019. Vol. 1. Issue 1. Pp. 197–216. (In Russ.).

30. *Arzumanova L. L., Lapteva A. V., Shniger D. O., Belyaev M. A., Slesarev S. A.* *Kommentarij k Federal'nomu zakonu ot 26 marta 1998 g. № 41-FZ "O dragocennykh metallakh i dragocennykh kamnyakh" (postatejnyj)* [Commentary on the Federal Law No. 41-FZ 'On Precious Metals and Precious Stones' of March 26, 1998 (Itemized)]. 2018. (In Russ.).

31. *Krasnova T. S.* *Servitutnye tipy ograničenij (obremenenij) prav na nedvizhimost': zarubezhnyj opyt i novelty rossijskogo zakonodatel'stva* [Servitude Types: Foreign Experience and Draft Amendments to Russian Legislation]. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossijskoj Federacii* – Herald of Economic Justice. 2015. Issue 1. Pp. 142–162. (In Russ.).

32. *Lazarev V. V.* *Probely v prave i puti ikh ustraneniya* [Gaps in Law and Ways to Eliminate Them]. Moscow, 1974. 184 p. (In Russ.).

33. *Maksimov V. A.* *Usloviya okhranosposobnosti proizvedenij v avtorskom prave* [Conditions of Protectability of Works in Copyright]. *Leningradskij juridicheskij zhurnal* – Leningradskiy Juridical Journal. 2017. Issue 3. Pp. 85–91. (In Russ.).

34. *Malyshev K.* *Kurs obshchego grazhdanskogo prava Rossii: v 4 t.* [The Course of General Civil Law of Russia: in 4 vols.]. St. Petersburg, 1878. Vol. 1. 366 p. (In Russ.).

35. *Medvedev I. R.* *Razreshenie gorodskikh konfliktov* [Urban Conflicts Resolution]. Moscow, 2017. 372 p. (In Russ.).

36. *Mengliev Sh.* *Imushchestvennye prava kak ob'ekt prava i pravootnosheniya* [Property Rights as an Object of Law and Legal Relations]. Available at: <http://law.edu.ru/doc/document.asp?docID=123494>. (In Russ.).

37. *Metel'skaya V. V., Shevcov S. G.* *Servituty v sisteme veshchnykh prav* [Servitudes in the System of Property Rights]. Krasnodar, 2009. 158 p. (In Russ.).

38. *Ovchinnikov S. N.* *Princip determinizma v metodologii pravovedeniya* [The Principle of Determinism in the Methodology of Law Science]. *Pravovedenie* – Pravovedenie. 1984. Issue 2. Pp. 35–39. (In Russ.).

39. *Obshchaya teoriya gosudarstva i prava. Akademicheskij kurs v trekh tomakh / otv. red. M. N. Marchenko* [General Theory of State and Law. Academic Course in Three Volumes; ed. by M. N. Marchenko]. Moscow, 2007. Vol. 2. *Pravo* [Law]. 816 p. (In Russ.).

40. *Panasyuk O. S.* *Probely v prave i sposoby ikh preodoleniya i ustraneniya: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk* [Gaps in Law and Ways to Overcome and Eliminate Them: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Stavropol, 2012. 21 p. (In Russ.).

41. *Perfil'eva V.* *Spory vokruga statusa mesta pod parkovku* [Disputes over the Status of a Parking Space]. *Zhilishchnoe pravo* – Housing Law. 2016. Issue 11. Pp. 53–56. (In Russ.).

42. *Postatejnyj kommentarij k Grazhdanskomu kodeksu Rossijskoj Federacii, chasti vtoroj: v 3 t. / pod red. P. V. Krashennnikova* [Article-by-Article Commentary on the Civil Code of the Russian Federation, Part Two: in 3 vols.; ed. by P. V. Krashennnikov]. Moscow, 2011. Vol. 3. 533 p. (In Russ.).

2. *Анисимов А. П.* Права животных в российском и зарубежном праве // *Аграрное и земельное право*. 2016. № 1 (133). С. 103–108.

3. *Арбитражный процесс: учебник*. 7-е изд., перераб. и доп. / отв. ред. В. В. Ярков. М.: Статут, 2017. 752 с.

4. *Баранова Е. А.* Вещные права в системе субъективных гражданских прав // *Актуальные проблемы гражданского права: сб. ст. / под ред. О. Ю. Шиловцова*. М.: Норма, 2003. Вып. 6. С. 137–174.

5. *Беспрозванный Д. Б.* Детерминация правовых предписаний // *Социально-политические науки*. 2012. № 2. С. 65–68.

6. *Брагинский М. И.* Основы учения о непоименованных (безымянных) и смешанных договорах. М.: Статут, 2007. 79 с.

7. *Булыгина М. А.* Мена имущественных прав // *Российский юридический журнал*. 2016. № 3. С. 161–173.

8. *Бунге М.* Причинность. Место принципа причинности в современной науке. М.: Изд-во иностр. лит., 1962. 512 с.

9. *Василевская Л. Ю.* Цифровые права как новый объект гражданских прав: проблемы юридической квалификации // *Хозяйство и право*. 2019. № 5. С. 3–14.

10. *Васильев В. В.* Детерминизм в системе гражданского права Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2015. 60 с.

11. *Ветер Н. Ю.* Понятие, признаки и юридическая сущность обхода закона // *Власть Закона*. 2014. № 4. С. 175–185.

12. *Гаврилов Е. В.* Правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации о компенсации нематериального (репутационного) вреда юридическим лицам // *Российский судья*. 2018. № 7. С. 33–37.

13. *Гаврилов Е. В.* Принесение извинения как способ защиты чести, достоинства и деловой репутации // *Законодательство и экономика*. 2012. № 7. С. 16–21.

14. *Горохов Д. Б., Горохова Ю. В.* Животные и растения – субъекты права по законодательству Российской Федерации: констатация абсурда или научное открытие? // *Адвокат*. 2016. № 11. С. 5–20.

15. *Груздев В. В.* Дифференциация в гражданском праве // *Нотариус*. 2018. № 8. С. 8–12.

16. *Гудков Д. В.* Проблема квалификации отношений сторон до разрешения отлагательного условия // *Вестник гражданского права*. 2015. № 3. С. 7–56.

17. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. URL: <https://www.slovar-dalja.net/word.php?wordid=28757> (дата обращения: 12.10.2019)

18. *Деликтные обязательства и деликтная ответственность в английском, немецком и французском праве: учеб. пособие / М. А. Егорова, В. Г. Крылов, А. К. Романов; отв. ред. М. А. Егорова*. М.: Юстицинформ, 2017. 376 с.

19. *Демин А. В.* Принцип определенности налогообложения: монография. М.: Статут, 2015. 368 с.

20. *Договор как общеправовая ценность: монография / В. Р. Авхадеев, В. С. Асташова, Л. В. Андриченко и др.* М.: ИЗиСП, Статут, 2018. 381 с.

21. *Долганов В. В.* Возбуждение и подготовка дел группового производства. М.: Статут, 2017. 176 с.

22. *Должиков А. В.* «Рукописинегорят»: неписанные права в конституционном правосудии // *Сравнительное конституционное обозрение*. 2014. № 1. С. 120–137.

23. *Жбанков М. А., Штыкова Н. Н.* Соотношение вещно-правовых и специальных исков защиты прав на земельные участки (на примере судебной практики Владимирской области) // *Правовые вопросы недвижимости*. 2019. № 1. С. 26–30.

24. *Завьялов А. А.* Публичные сервитуты // *Имущественные отношения в Российской Федерации*. 2019. № 9. С. 92–99.

25. *Каранетов А. Г.* Расторжение нарушенного договора в российском и зарубежном праве. М.: Статут, 2007. 876 с.

26. *Кирсанова Е. Е.* Возникновение новых объектов правовой защиты в условиях цифровой экономики // *Юрист*. 2018. № 11. С. 19–24.

27. *Корпоративное право: учеб. курс / отв. ред. И. С. Шиткина*. М.: Статут, 2018. Т. 2. 990 с.

28. *Комиссарова Е. Г., Торкин Д. А.* Непоименованные способы обеспечения обязательств в гражданском праве. М.: Аспект Пресс, 2008. 144 с.

29. *Комиссарова Е. Г.* Методологические аспекты научно-понятийного аппарата в цивилистике // *Методологические проблемы цивилистических исследований*. 2019. Т. 1, № 1. С. 197–216.

30. *Комментарий к Федеральному закону от 26 марта 1998 г. № 41-ФЗ «О драгоценных*

43. Rogaleva M. A. *Algoritm kvalifikacii grazhdanskikh del (na primere zashchity prav investorov v sfere rynka cennykh bumag)* [Algorithm for Qualifying Civil Cases (a Case Study of Protecting the Rights of Investors in the Securities Market)]. Moscow, 2018. 204 p. (In Russ.).

44. Svit Yu. P. *Rasporyazhenie pravom trebovaniya o privilechenii k subsidiarnoj otvetstvennosti* [Disposal of the Right to Claim Subsidiary Liability]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika – Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*. 2018. Issue 7. Pp. 37–41. (In Russ.).

45. Sdelki, predstavitel'stvo, iskovaya davnost': *Postatejnyj kommentarij k stat'yam 153–208 Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii / otv. red. A. G. Karapetov* [Transactions, Representation, Limitation: Article-by-Article Commentary on Articles 153–208 of the Civil Code of the Russian Federation; ed. A. G. Karapetov]. Moscow, 2018. 1264 p. (In Russ.).

46. Semenov V. V. *Preimushchestvennoe pravo pokupki imushchestva kak sposob zashchity imushchestvennykh interesov* [Preferential Right to Purchase Property as a Method of Property Interest Protection]. *Yurist – Jurist*. 2015. Issue 19. Pp. 23–26. (In Russ.).

47. Semenov V. V. *Sposoby zashchity grazhdanskikh prav v kontekste Konstitucii i Grazhdanskogo kodeksa* [Civil Rights Protection Means within the Framework of the Constitution and the Civil Code]. *Advokatskaya praktika – Advocate's Practice*. 2018. Issue 4. Pp. 21–23. (In Russ.).

48. Sinicyn S. A. *Veshch' kak ob'ekt grazhdanskikh prav: vozmozhnye i dolzhnye kriterii identifikacii* [A Thing as an Object of Civil Rights: Possible and Proper Identification Criteria]. *Zakonodatel'stvo i ekonomika – Legislation and Economy*. 2016. Issue 11. Pp. 7–17. (In Russ.).

49. Spektor E. I. *Probely v zakonodatel'stve i puti ikh preodoleniya: dis. ... kand. jurid. nauk* [Gaps in Legislation and Ways to Overcome Them: Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2003. 127 p. (In Russ.).

50. Spirkin A. G. *Filosofiya: uchebnik* [Philosophy: Textbook]. Moscow, 2000. 368 p. (In Russ.).

51. Suslova S. I. *Nepoimenovannost' v grazhdanskom prave: k postanovke voprosa* [On the Problem of the 'Unnamed' in Civil Law]. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*. 2018. Vol. 160. Issue 2. Pp. 404–414. (In Russ.).

52. Sukhanov E. A. *Veshchnoe pravo: Nauchno-poznavatel'nyj ocherk* [Property Law: Scientific

and Educational Essay]. Moscow, 2017. 559 p. (In Russ.).

53. *Teoriya gosudarstva i prava. Kurs lekcij / Berezhnov A. G., Vorotilin E. G., Lejst O. E., Lungu P. F. i dr. / pod red. M. N. Marchenko. 2-e izd.* [Theory of State and Law. Lecture Course; A. G. Berezhnov, E. G. Vorotilin, O. E. Lejst, P. F. Lungu et al.; ed. by M. N. Marchenko. 2nd ed.]. Moscow, 1996. 475 p. (In Russ.).

54. Uranskij F. R. *K voprosu o ponyatii i vidakh probelov v prave* [On the Concept and Types of Gaps in Law]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seria 11. Pravo – The Moscow University Herald. Series 11. Law*. 2005. Issue 5. Pp. 111–121. (In Russ.).

55. Uranskij F. R. *Probely v prave i sposoby ikh vospolneniya v pravoprimeritel'noj deyatelnosti: dis. ... kand. jurid. nauk* [Gaps in Law and Ways to Fill Them in Law Enforcement: Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2005. 192 p. (In Russ.).

56. Filippova S. *K voprosu o ponyatii, sostave i strukture ustavnogo kapitala khozyajstvennogo obshchestva* [On the Concept, Composition and Structure of the Authorized Capital of a Business Company]. *Khozyajstvo i pravo – Business and Law*. 2018. Issue 11. Pp. 35–52. (In Russ.).

57. Fomina L. A. *Probely v grazhdanskom prave Rossii: ponyatie, sushchnost', sposoby preodoleniya: monografiya* [Gaps in the Civil Law of Russia: Concept, Essence, Methods of Overcoming: Monograph]. Volgograd, 2008. 169 p. (In Russ.).

58. Khlikova O. G. *Dolya v prave obshchej dolevoj sobstvennosti na zhilye pomeshcheniya kak ob'ekt grazhdanskikh i zhilishchnykh prav* [A Share in the Right of Shared Own Property to Residential Areas as an Object of Civil and Housing Rights]. *Prolog: zhurnal o prave – Prologue: Law Journal*. 2017. Issue 4. Pp. 13–16. DOI: 10.21639 / 2313-6715.2017.4.3. (In Russ.).

59. Chashkova S. Yu. *Svoboda formirovaniya uslovij dogovora o surrogatnom materinstve kak netipichnoj dogovornoj konstrukcii* [Freedom to Formulate the Terms of a Surrogacy Agreement as an Atypical Contractual Design]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika – Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*. 2016. Issue 2. Pp. 58–64. (In Russ.).

60. Chervyakov K. K. *Fakt priznaniya otcovstva i ego znachenie dlya vzniknoveniya roditel'skogo pravootnosheniya* [The Fact of Recognition of Paternity and Its Significance for the Emergence of Parental Legal Relationship]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo – Soviet State and Law*. 1973. Issue 5. Pp. 112–115. (In Russ.).

61. Shevciv O. S. *Nekotorye aspekty ponyatiya imushchestva kak ob'ekta grazhdanskikh prav*

металлах и драгоценных камнях» (постатейный комментарий к ст. 340 ГК РФ). М.: АРЗУМАНОВ, 2017. С. 10–11. URL: <http://www.arzumanovalaw.com>.
Д. О. Шнигер, М. А. Беляев, Слесарев С. А. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

31. Краснова Т. С. Сервитутные типы ограничений (обременений) прав на недвижимость: зарубежный опыт и новеллы российского законодательства // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 1. С. 142–162.

32. Лазарев В. В. Пробелы в праве и пути их устранения. М.: Юрид. лит., 1974. 184 с.

33. Максимов В. А. Условия охраноспособности произведений в авторском праве // Ленинградский юридический журнал. 2017. № 3. С. 85–91.

34. Малышев К. Курс общего гражданского права России: в 4 т. СПб., 1878. Т. 1. 366 с.

35. Медведев И. П. Разрешение городских конфликтов: монография. М.: Инфотропик Медиа, 2017. 372 с.

36. Менглиев Ш. Имущественные права как объект гражданского права. URL: <http://law.edu.ru/doc/document.asp?docID=123494>.

37. Метельская В. В., Шевцов С. Г. Сервитуты в системе вещных прав. Краснодар: Советская Кубань, 2009. 158 с.

38. Овчинников С. Н. Принцип детерминизма в методологии правоведения // Правоведение. 1984. № 2. С. 35–39.

39. Общая теория государства и права: акад. курс; в 3 т. / отв. ред. М. Н. Марченко. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2007. Т. 2: Право. 816 с.

40. Панасюк О. С. Пробелы в праве и способы их преодоления и устранения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2012. 21 с.

41. Перфильева В. Споры вокруг статуса места под парковку // Жилищное право. 2016. № 11. С. 53–56.

42. *Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части второй: в 3 т. / под ред. П. В. Крашенинникова. М.: Статут, 2011. Т. 3. 533 с.*

43. Rogaleva M. A. Алгоритм квалификации гражданских дел (на примере защиты прав инвесторов в сфере рынка ценных бумаг). М.: Статут, 2018. 204 с.

44. Свит Ю. П. Распоряжение правом требования о привлечении к субсидиарной ответственности // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 7. С. 37–41.

45. *Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153–208 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2018. 1264 с.*

46. Семенов В. В. Преимущественное право покупки имущества как способ защиты имущественных интересов // Юрист. 2015. № 19. С. 23–26.

47. Семенов В. В. Способы защиты гражданских прав в контексте Конституции и Гражданского кодекса // Адвокатская практика. 2018. № 4. С. 21–23.

48. Синицын С. А. Вещь как объект гражданских прав: возможные и должные критерии идентификации // Законодательство и экономика. 2016. № 11. С. 7–17.

49. Спектор Е. И. Пробелы в законодательстве и пути их преодоления: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 127 с.

50. Спиркин А. Г. *Философия: учебник. М.: Гардарики, 2000. 368 с.*

51. Суслова С. И. Непоименованность в гражданском праве: к постановке вопроса // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2018. Т. 160, кн. 2. С. 404–414.

52. Суханов Е. А. *Вещное право: Научно-познавательный очерк. М.: Статут, 2017. 559 с.*

53. *Теория государства и права: курс лекций / А. Г. Бережнов, Е. Г. Воротилин, О. Э. Лейст, П. Ф. Лунгу и др.; под ред. М. Н. Марченко. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Зерцало, ТЕИС, 1996. 475 с.*

54. Уранский Ф. Р. К вопросу о понятии и видах пробелов в праве // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2005. № 5. С. 111–121.

55. Уранский Ф. Р. Пробелы в праве и способы их восполнения в правоприменительной деятельности дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 192 с.

56. Филиппова С. К вопросу о понятии, составе и структуре уставного капитала хозяйственного общества // Хозяйство и право. 2018. № 11. С. 35–52.

57. Фомина Л. А. Пробелы в гражданском праве России: понятие, сущность, способы преодоления: монография. Волгоград: Волгогр. науч. изд-во, 2008. 169 с.

58. Хликова О. Г. Доля в праве общей долевой собственности на жилые помещения как объект гражданских и жилищных прав // Пролог: журнал о праве. 2017. № 4. С. 13–16

[Some Aspects of the Concept of Property as an Object of Civil Rights]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal* – Leningradskiy Juridical Journal. 2015. Issue 4. Pp. 121–128. (In Russ.).

62. *Shevcov S. G. Usmotrenie i prichinno-sledstvennyye svyazi v grazhdanskom prave* [Discretion and the Causal Relationship in Civil Law]. *Sovremennoe pravo* – Modern Law. 2012. Issue 3. Pp. 78–81. (In Russ.).

63. *Shelyutto M. L. Problemy sovershenstvovaniya grazhdanskogo zakonodatel'stva. Obzor IV Ezhegodnykh nauchnykh chtenij, posvyashchennykh pamyati professora S. N. Bratusya* [Problems of Enhancement of Civil Legislation. Overview of the IV Annual Conference Devoted to the Memory of Professor S. N. Bratus]. *Zhurnal rossijskogo prava* – Journal of Russian Law. 2010. Issue 1. Pp. 144–153. (In Russ.).

64. *Yakovlev A. S. Imushchestvennyye prava kak ob"ekty grazhdanskikh pravootnoshenij: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk* [Property Rights as Objects of Civil Legal Relations: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Voronezh, 2003. 25 p. (In Russ.).

65. *Akkermans B. The New Dutch Civil Code: the Borderline between Property and Contract. Towards a Unified System of Land Burdens*; ed. by S. van Erp and B. Akkermans. Antwerp-Oxford, 2006. Pp. 163–183. (In Eng.).

66. *Canaris C.-W. Die Feststellung von Lücken im Gesetz: eine methodologische Studie über Voraussetzungen und Grenzen der richterlichen Rechtsfortbildung praeter legem*. Berlin: Duncker & Humblot, 1964. 219 p. (In Germ.).

67. *Cuellar M. Causal Reasoning and Data Analysis in the Law: Definition, Estimation, and Usage of the Probability of Causation*. SSRN Electronic Journal. January 2018. DOI: 10.2139/ssrn.3188098. (In Eng.).

68. *Favre D. Living Property: A New Status for Animals within the Legal System*. Marquette Law Review. 2010. Vol. 93. Issue 3. (In Eng.).

69. *Favre D. Equitable Self-Ownership for Animals*. Duke Law Journal. 2000. Vol. 50. Issue 2. Pp. 473–502. (In Eng.).

70. *Keller A. Die Kritik, Korrektur und Interpretation des Gesetzeswortlautes*. Winterthur, 1960. 305 p. (In Eng.).

71. *Kyritsis D. Interpreting Legislative Intent*. SSRN Electronic Journal. September 4, 2018. DOI: 10.2139/ssrn.3243732. (In Eng.).

72. *Manssen G. Staatsrecht II: Grundrechte*. Munich, 2012. 277 p. (In Germ.).

73. *Mel'nichenko R. S. Problemi zastosuvannya sudom nepoimenovanih sposobiv zakhistu tsivil'nikh prav ta interesiv* [Problems of Application of the Unnamed Methods of Protection of the Civil Rights and Interests by the Court]. *Molodii vchenii* – Young Scientist. 2015. Issue 8. Pp. 99–102. (In Ukr.).

74. *Oman N. B. 'Private Law and Local Custom'*, in Oxford Handbook of New Private Law Theory (Henry Smith et al eds. Forthcoming). SSRN Electronic Journal. October 22, 2019. DOI: 10.2139/ssrn.3468516. (In Eng.).

75. *Preuß N. Digitaler Nachlass – Vererbbarkeit eines Kontos bei einem sozialen Netzwerk*. Neue Juristische Wochenschrift. 2018. Heft 43. (In Germ.).

76. *Rupp H. H. Ungeschriebene Grundrechte unter dem Grundgesetz*. Juristen Zeitung. 2005. 60. Jg. H. 4. Pp. 157–160. (In Germ.).

77. *Reyes C. L., Rosario N. M., Cannon R. M., Tall R. Panel I: Blockchain and the Law*. The John Marshall Journal of Information Technology & Privacy Law. 2019. Vol. 34. Issue 1. (In Eng.).

78. *Shavell S. The Mistaken Restriction of Strict Liability to Uncommon Activities*. The Journal of Legal Analysis, Forthcoming. Available at: <https://ssrn.com/abstract=3298135>. (In Eng.).

79. *Shavell S. On the Redesign of Accident Liability for the World of Autonomous Vehicles*. Harvard Law School John M. Olin Center Discussion Paper No. 1014. Available at: <https://ssrn.com/abstract=3437474>. (In Eng.).

80. *Shyam G. Is the Classification of Animals as Property Consistent with Modern Community Attitudes?* UNSW Law Journal. 2018. Vol. 41(4). Pp. 1418–1444. (In Eng.).

81. *Shyam G. The Legal Status of Animals: The World Rethinks Its Position*. Alternative Law Journal. 2015. Issue 4 (40). Pp. 266–270. DOI: 10.1177/1037969X1504000411. (In Eng.).

82. *Tarnavs'ka M. I. Vibir sposobu zakhistu tsivil'nogo prava ta interesu: praktichnij aspekt* [Choosing a Way to Protect Civil Rights and Interests: Practical Aspect]. *Mitna sprava* – Customs. 2014. Issue 4 (94). (In Ukr.).

83. *Walter A. Bitcoin, Libra und sonstige Kryptowährungen aus zivilrechtlicher Sicht*. Neue Juristische Wochenschrift. 2019. Issue 50. (In Germ.).

84. *Zitelmann E. Lücken im Recht*. Leipzig, 1903. 46 p. (In Germ.).

59. *Чашкова С. Ю. Свобода формирования условий договора о суррогатном материнстве как нетипичной договорной конструкции* // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 2. С. 58–64.

60. *Червяков К. К. Факт признания отцовства и его значение для возникновения родительского правоотношения* // Советское государство и право. 1973. № 5. С. 112–115.

61. *Шевцов О. С. Некоторые аспекты понятия имущества как объекта гражданских прав* // Ленинградский юридический журнал. 2015. № 4. С. 121–128.

62. *Шевцов С. Г. Усмотрение и причинно-следственные связи в гражданском праве* // Современное право. 2012. № 3. С. 78–81.

63. *Шелютто М. Л. Проблемы совершенствования гражданского законодательства. Обзор IV Ежегодных научных чтений, посвященных памяти профессора С. Н. Братуся* // Журнал российского права. 2010. № 1. С. 144–153.

64. *Яковлев А. С. Имущественные права как объекты гражданских правоотношений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук*. Воронеж, 2003. 25 с.

65. *Akkermans B. The New Dutch Civil Code: the Borderline between Property and Contract* // Towards a Unified System of Land Burdens / ed. by S. van Erp and B. Akkermans. Antwerp-Oxford: Intersentia, 2006. Pp. 163–183.

66. *Canaris C.-W. Die Feststellung von Lücken im Gesetz: eine methodologische Studie über Voraussetzungen und Grenzen der richterlichen Rechtsfortbildung praeter legem*. Duncker & Humblot, 1964. 219 S.

67. *Cuellar M. Causal Reasoning and Data Analysis in the Law: Definition, Estimation, and Usage of the Probability of Causation* // SSRN Electronic Journal. 2018. January. DOI: 10.2139/ssrn.3188098.

68. *Favre D. Living Property: a New Status for Animals within the Legal System* // Marquette Law Review. 2010. Vol. 93, Issue 3.

69. *Favre D. Equitable Self-Ownership for Animals* // Duke Law Journal. 2000. Vol. 50, № 2. Pp. 473–502.

70. *Keller A. Die Kritik, Korrektur und Interpretation des Gesetzeswortlautes*, Winterthur, 1960. 305 S.

71. *Kyritsis D. Interpreting Legislative Intent* // SSRN Electronic Journal. 2018. 4 Sept. DOI: 10.2139/ssrn.3243732.

72. *Manssen G. Staatsrecht II: Grundrechte*. 9 aufl. München: C. H. Beck, 2012. 277 p.

73. *Мельниченко Р. С. Проблеми застосування судом непоіменованих способів захисту цивільних прав та інтересів* // Молодий вчений. 2015. № 8 (23). С. 99–102.

74. *Oman N. B. Private Law and Local Custom* (October 11, 2019) in Oxford Handbook of New Private Law Theory // SSRN Electronic Journal. 2019. 22 Oct. DOI: 10.2139/ssrn.3468516.

75. *Preuß N. Digitaler Nachlass – Vererbbarkeit eines Kontos bei einem sozialen Netzwerk* // Neue Juristische Wochenschrift. 2018. Heft 43.

76. *Rupp H. H. Ungeschriebene Grundrechte unter dem Grundgesetz* // Juristen Zeitung. 2005. 60. Jg. H. 4. S. 157–160.

77. *Reyes C. L., Rosario N. M., Cannon R. M., Tall R. Panel I: Blockchain and the Law* // The John Marshall Journal of Information Technology & Privacy Law. 2019. Vol. 34, Issue 1.

78. *Shavell S. The Mistaken Restriction of Strict Liability to Uncommon Activities* // The Journal of Legal Analysis, Forthcoming. 2018. 12 Dec. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=3298135>.

79. *Shavell S. On the Redesign of Accident Liability for the World of Autonomous Vehicles* // Harvard Law School John M. Olin Center Discussion. Paper 1014. Available at: SSRN: <https://ssrn.com/abstract=3437474>.

80. *Shyam G. Is The Classification Of Animals As Property Consistent With Modern Community Attitudes?* // UNSW Law Journal. 2018. Vol. 41(4). Pp. 1418–1444.

81. *Shyam G. The Legal Status of Animals: The World Rethinks Its Position* // Alternative Law Journal. 2015. Issue 4 (40). Pp. 266–270. DOI: 10.1177/1037969X1504000411.

82. *Тарнавська М. І. Вибір способу захисту цивільного права та інтересу: практичний аспект* // Митна справа. 2014. Issue 4 (94).

83. *Walter A. Bitcoin, Libra und sonstige Kryptowährungen aus zivilrechtlicher Sicht* // Neue Juristische Wochenschrift. 2019. Heft 50.

84. *Zitelmann E. Lücken im Recht*. Leipzig: Verlag von Duncker & Humblot, 1903. 46 S.